

Айрин Дар

ПРИЮТ НЕНУЖНЫХ ЖЁН

ЛЕКАРЬ
ПРИЮТА
НЕНУЖНЫХ ЖЕН

Айрин Дар Лекарь "Приюта ненужных жён"

<https://litres.ru/74490723>

Аннотация

МОЯ НОВИНКА

Я очнулась в повозке для неугодных жён. Магию у меня отняли всего час назад, а ещё утром я стояла перед алтарём в белом платье.

Всё из-за сестры, что сбежала с собственной свадьбы с моим женихом. А меня отец заставил надеть её наряд и выйти к гостям вместо неё.

Так я стала женой дракона, которого боится столица.

Теперь меня везут в место, куда ссылают тех, от кого хотят избавиться.

Магию можно отнять, имя – стереть, жизнь - сломать.

Но они забыли одну вещь: желание выжить - никогда.

В тексте есть:

♥# властный дракон

♥#попаданка-врач

♥#сильная героиня

♥# от ненависти до любви

♥# вынужденный брак

♥# счастливый финал

Книга участвует в мобе Вторая жизнь лекаря 18+

Содержание

Глава 1	6
Визуал Оливии Морвейн	10
Глава 2	11
Визуал Элдрика Ваэля	14
Глава 3	15
Визуал Кравеллы Цимио	18
Истории, связанные с новинкой	19
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	67
Глава 11	74
Глава 12	81
Глава 13	88
Визуалы работниц "Дома послушания"	96
Глава 14	103
Глава 15	110
Глава 16	117
Глава 17	124
Глава 18	131

Глава 19	134
Глава 20	140
Глава 21	145
Глава 22	149
Глава 23	155
Глава 24	158
Глава 25	161
Глава 26	166
Глава 27	171
Глава 28	175
Глава 29	178
Глава 30	182
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Глава 1

Я очнулась от боли.

Она странная: такая, словно в груди кто-то проковырял дыру. Повозку подкидывает на кочке, и моя голова ударяется о деревянную стенку, отчего невольно издаю стон.

- Очнулась, - равнодушно произносит чей-то голос, и я пытаюсь различить в полутьме человека. Кажется, это женщина, но голос довольно грубый.

Надо мной качается потолок повозки, тусклый свет пробивается через узкую щель в досках, пахнет железом, пылью и чем-то жжёным, возможно, кожей. О том, что на моём плече теперь есть метка неугодности, узнаю позже, а пока пытаюсь пошевелиться и сесть.

Руки дрожат, я слишком слаба, к горлу подкатывает тошнота, а в груди не перестаёт жечь.

- Куда мы едем? – задаю вопрос, но он выходит таким слабым, будто я слишком далеко. Откашливаюсь и повторяю.

- Совсем ничего не помнишь?

Напрягаю память, пытаюсь восстановить события, но ответ уже звучит.

- В приют ненужных жён. Сперва они говорят слова на обряде, потом забирают магию до последней крохи и отправляют туда, где вы не будете мешать, - безрадостно и безэмоционально. – Сегодня двое, вчера четверо, а на той неделе

еще трое. И пусть ты эрдана, но по приказу мужа будешь заперта далеко за городом, пока муж станет прожигать свою жизнь и твою магию.

Теперь я вспоминаю.

Меня зовут Оливия Морвейн, и вот уже два года учусь жить в этом мире. Империя драконов – место для мужчин, которые придумали себе законы. Женщина здесь может стать любимой, но зачастую неугодной, а Акрион не любит разводы.

После несчастного случая из-за любовницы моего мужа, которая решила, что единственный способ заполучить Олега – избавиться от меня, я оказалась в теле молодой тиании с даром лекаря. Долго не могла поверить в происходящее, а потом решила воспользоваться вторым шансом.

Влюбилась в мужчину, который несколько месяцев назад обручился со мной, и намеревалась жить с ним долго и счастливо. Только сегодня утром явился отец и приказал надевать платье Селестры – сестры, что как две капли воды похожа на меня.

- Ты выйдешь замуж вместо неё.
- Это шутка?!
- Ночью мерзавка сбежала с Люмусом.
- Моим женихом?!
- Элдрик не должен ни о чём догадаться, поняла? По крайней мере до окончания обряда.
- А что потом? – не верила своим ушам. – Что потом ты

прикажешь мне делать?!

Он сузил глаза и смотрел на меня, размышляя.

- Непокорная дочь непокорной матери. Я научу тебя послушанию. Позовите Бруста!

- Нет, я не стану женой этого ужасного дракона!

- У тебя нет выбора, дорогая.

Три служанки схватили меня, пытаюсь удержать. Какой-то человек появился в проёме и добыл из мешка, притороченного к поясу, странный артефакт, сверкающий холодным голубым светом.

Он был похож на миниатюрное зеркало, обрамлённое чёрным серебром с выгравированными символами, которые казались почти живыми, переливаясь и двигались сами по себе.

Меня резко развернули, стянули платье, обнажая спину, и я вскрикнула от боли, чувствуя, как лезвие рассекает кожу под затылком. Чужая ладонь прижала артефакт к ране, и я ощущала, как невидимые щупальца проникают на несколько сантиметров внутрь, причиняя мне жуткую боль.

- Он будет работать пару часов, может, чуть больше. Так что поторопитесь, - проинформировал отца незнакомец, а я смогла освободить одну руку и ухватиться пальцами за артефакт, намереваясь выдрать его из тела.

- Да держите же её! - закричал на служанок отец.

- Через пару минут начнёт действовать, - снова раздался чужой голос за моей спиной, - тогда она сделает всё, о чём

её попросят. Но учтите: я не видел вас, вы не видели меня.
- Конечно, мне не нужны проблемы.

Визуал Оливии Морвейн

Визуал Оливии Морвейн

Начинаем знакомиться с героями. Это Оливия, в прошлом Маргарита Обухова - терапевт в отделении восстановительной медицины. Попала в тело тиании два года назад.

Умна, любит сестру и своего жениха, точнее, этот всё было до событий.

Не пасует перед трудностями и обязательно обретёт счастье и найдёт свой путь.

Глава 2

Я стояла перед алтарём, укрытая тяжёлой непрозрачной вуалью. Ткань легла на лицо плотной тенью, и мир вокруг казался не таким ярким и звонким, как обычно. Сквозь вуаль почти ничего не видно: только размытые силуэты свечей и храмовник, что готовился к обряду.

Я пыталась быть сильной, но слёзы текли по щекам, собирались на подбородке и впитывались в тонкое кружево, которое я до сего дня считала красивым. Мои чувства были незаметны другим, лишь фигура, затянутая в корсет чужого свадебного платья.

Ещё полчаса назад я была счастлива. Невероятно, почти болезненно счастлива. Мои пальцы дрожали не от страха, а от предвкушения. Я смеялась, когда обсуждала со служанками свою свадьбу, и смотрела на кольцо: тонкое, золотое, подаренное Люмусом, который предал нашу любовь. А сейчас должна быть гостьей на празднике своей сестры, правда, брак был договорным, и она говорила о том, что уже ненавидит дракона, как и все в этом городе. Но волю отца нарушить было нельзя.

Селестра не нашла ничего умнее, как сбежать накануне. И не одна, а прихватив с собой моего жениха. И теперь я должна быть женой Элдрика Ваэля - хранителя Пророчеств и Куратора Магической безопасности империи.

Голова немного кружилась, но не было сил бороться с артефактом с чёрного рынка. Вещь слишком сильная, я чувствовала, как она заставляла быть покорной.

Позади раздались шаги: неровные, тяжёлые. Тук – пауза, тук – пауза.

Я понимала, что это он, потому что походка была слишком узнаваема.

Ваэль шёл медленно, едва сгибая колено. После несчастного случая несколько лет назад одна его нога почти не слушалась, и теперь каждый шаг звучал как удар колокола. Шаги отдавались по каменному полу, заставляя дрожать сердце, пока я сама продолжала стоять, сжимая в руках букет своей сестры.

Элдрик замер, добравшись до места, и храмовник перед алтарём зашуршал свитком, принимаясь читать молитвы на стародраконьем.

Я не знала этого языка, но слова отзывались во мне трепетом и болью. Если никто не вмешается, мне подпишут приговор.

Попыталась собрать волю в кулак, но затылок принялся гореть. Артефакт не желал сдаваться, а ритуал заходил всё дальше и дальше, пока мы не были вынуждены сцепить вместе руки, которые перевязали церемониальной лентой. Казалось, я хоть что-то должна почувствовать, но вместо страха и отвращения была пустота.

В какой-то момент он поднял мою вуаль, внимательно

вглядываясь в лицо, а я впервые смогла разглядеть его так близко. Хранителю было около тридцати пяти. Крючковатый нос, тонкая линия губ, кричащая о злобе, чёрные, как смоль волосы, стянутые позади тёмным атласным бантом, добротная одежда с вышивкой символики империи. Его взгляд был холодным, пронизывающим, и сейчас я почувствовала, как страх обжигает грудь, потому что он не просто смотрел на меня, а забирался взглядом в самую душу.

Мне хотелось кричать, бежать, сопротивляться, но не было сил.

Храмовник известил о поцелуе, и тонкие губы приближались, пока не коснулись моих. Артефакт дёрнулся внутри, но выдержал. Элдрик отодвинулся, а затем повернулся к гостям, и нас представили, как чету Ваэль.

А уже через пару часов он ударил меня и велел раздеть.

Визуал Элдрика Ваэля

Элдрик Ваэль

Хранитель Пророчеств и Куратор «Магической безопасности империи». Дракон, которого боятся, потому что он может отправить в казематы. Довольно подозрителен и не любит, когда ему диктуют условия и лгут, обязательно накажет за такое.

С отцом Оливии договорила о женитьбе, выбрав из двух сестёр одну. Ту, что имела более сильную магию. Узнав о подлоге пришёл в ярость...

Глава 3

- Ты уверена? – Ваэль прошёл по комнате несколько шагов, заметно нервничая. Только нога не позволяла передвигаться быстро.

- Это не та девчонка, которую ты ждал.

Элдрик зарычал и двинулся на меня, только я была не виновата.

- Зачем ты это сделала? – требовала от меня ответа высокая, строгая женщина с ледяным взглядом, который оценивал меня, как товар. Она сперва обошла меня кругом, заглянула в лицо, сканируя движения, исследуя каждый жест, а потом обнаружила артефакт. А уж чего не обнаружила, так это метки, что была у Селестры, как у более сильной из нашей пары.

- Я подчинилась воли отца, - отзываюсь глухо.

- Я верну её обратно в семью и устрою скандал! – решил Элдрик.

- Нет, - остановила его женщина, рассматривая артефакт на моей шее. – Она может пригодиться. Пусть не такая, как сестра, но на что-то способна.

Она взяла мою руку и провела острым ногтем по коже, и тут же по телу разбежались зелёные искры.

- Видишь? – усмехнулась. – Она не так уж и плоха для тебя, так что, ты знаешь, что следует делать.

Она отпустила руку слишком резко, что я не успела её удержать, и ладонь ударилась о подлокотник, вызывая боль, а женщина подошла к хранителю, касаясь его груди.

- Я сделаю всё, как надо, - шептала в его губы, пока он смотрел на неё так, как смотрят лишь на желанную. - Сейчас самый подходящий момент. Нет смысла ждать. К тому же, - она слишком приблизилась к его губам, - она не будет нам мешать, потому что ты сразу отправишь её, куда следует.

Они не стеснялись, я настолько не имела веса, что человек, взявший меня в жёны утром, на моих глазах ласкал другую женщину. Его ладонь опустилась на её талию, а вторая касалась щеки. Я поднялась с места, намереваясь покинуть этот дом, и именно в тот момент, когда была у двери, он догнал меня и ударил, а потом велел служанкам раздеть, потому что такова была особенность ритуала.

Женщина достала длинный свиток с символами, похожими на те, что произносил храмовник, и разместила на моей груди странное чёрное кольцо. И снова стародраконий язык добрался до моего слуха, а потом её голос превратился в низкий гул, который не разобрать.

Моя грудь сжималась, и было тяжело дышать. Я металась на полу, куда положили меня, и ощущала, как тепло моей магии словно вытягивается наружу через кольцо, собираясь в тонкую, сверкающую нить, которую она направляла прямо к Элдрику.

Сначала это было похоже на лёгкое, почти безболезненное

покалывание. Но через секунду нить превратилась в цепь, которая тянулась всё сильнее. Я судорожно сжала кулаки, но кожа горела, пальцы немели, а внутри словно открылась пустота, откуда всасывалась моя сила.

- Хватит! - прошептала я, но слова растворились в магическом гуле.

Слышала, как сердце бьётся в ушах, но ощущение боли стало физическим. Каждый мускул напрягался, кости ныли, голова раскалывалась, будто её сжимали тиски. Мне становилось трудно дышать, и казалось, что вот-вот потеряю сознание.

Элдрик стоял рядом, неподвижный, и его руки опускались, словно принимая силу, которую я теряла. Свет магии стал ярче, обвивая его тело тонкими зелёными потоками, как живыми змеями, которые проникали в каждую его клетку. Магия покидала меня, и вместе с ней уходило ощущение собственной силы, воли, даже голоса.

Я пробыла женой несколько часов, а потом очнулась на дне старой повозки, везущей меня в одно из самых жутких мест Акриона.

Если вам нравится история, обязательно поддержите её звёздочкой. Это поможет книге обрести новых читателей.

Искренне ваша Айрин Дар

Визуал Кравеллы Цимио

Кравелла Цимио

Среди узкого круга людей известна как "Чёрный лекарь". Всё потому, что способна исцелять одних людей за счёт других.

С хранителем познакомилась в тюрьме, когда её привели на допрос. Но была слишком красива, чтобы оставить её в Рангоре. С некоторых пор поселилась у Элдрика в замке, разделяя с ним его постель. В данный момент именно она придумала женить его на девушке, чтобы попытаться изменить пророчество: Ваэль не может иметь наследников, так говорят скрижали.

Кравелла считает, что каждое пророчество можно изменить.

История пишется в рамках литмоба "Вторая жизнь лекаря"

Истории о врачах попаданках на любой вкус

<https://litnet.com/shrt/6h1S>

Истории, связанные с новинкой

Дорогие читатели.

Новая история желает, чтобы я вам её рассказала. Те, кто уже знаком с Акрионом по другим историям, уже знают его законы и правила. Те, кто только начинает узнавать - добро пожаловать в наш мир.

Книги самостоятельные, читаются отдельно, но, некоторые герои кочуют из книги в книгу.

В этой истории появится Эйлин - хозяйка гиблой долины, Анника - её дочь, а так же Дайрен, который станет одним из главных героев книги.

Если вы ещё не читали истории об империи драконов - Акрионе, приглашаю в завершённые книги, которые расскажут вам о сильных женщинах империи.

АЙРИН ДАР

НАЯ ЖЕНА. ХОЗЯЙКА ГИБЛОЙ ДОЛИНЫ

Жена советника, сосланная в аномальную зону из-за любовницы, намерена выжить. Здесь деревья требуют жертв, горы перемещаются, а каждая пядь земли может убить.

Не просто выжить и пробудить древнюю магию, текущую в жилах. Стать хозяйкой гиблой долины, выполнить обещание, данное умирающей каторжнице, исцелить земли и своё разбитое сердце.

https://litnet.com/shrt/q-_7

ПОПАДАНКА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

НА ПО ДОГОВОРУ. НАСЛЕДНИК ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

- Это мальчик, - говорит повитуха.

- Уберите всё тут, чтобы ничто не напоминало мне об Аннике Торн. И отправьте её на все четыре стороны, как она желала, - отзывается генерал. - Ты же об этом мечтала, ДОРОГАЯ?

Он выгнал меня сразу же после рождения сына, не дав коснуться моего малыша. Враг моей семьи – отец моего ребёнка. Я подчинилась воле матери, заключив договор, чтобы на свет появился тот, кто спасёт империю.

Судьба посмеялась, определив мне в истинные грубого дракона, что не знает манер, а лишь научен убивать. Только однажды я уже умерла в другом мире, чтобы возродиться в этом.

<https://litnet.com/shrt/VRmB>

НАЯ ЖЕНА. ХОЗЯЙКА СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ

История бабушки Эйлин, великого лекаря.

Её оклеветали, продали, предали и хотели убить, когда родился ребёнок мужа и любовницы, потому что она не была в силах исправить его уродство.

Побег на север - единственный выбор. А здесь придётся выживать и доказывать, что сильна духом и телом. А ещё приручить ссыльного нелюдима с запечатанной магией. Дракона, спалившего город.

Стать хозяйкой землям, где лишь холод, каторга и злые хищники. Но Мейиораль сумеет зажечь это место своей магией.

<https://litnet.com/shrt/d329>

Айрин ДА

КАРЬ-ПОПАДАНКА. ТРОФЕЙ ДЛЯ ДРАКОНА

В прошлой жизни я – хирург, потерявшая сына, в настоящей - молодая девушка, которая должна спасти вражеского генерала. Внутри меня артефакт, принадлежащий его роду, и по воле рока я его истинная из другого мира.

Растопить сердце врага и обрести сына, того самого, что погиб в моём мире. Материнское сердце узнает ребёнка даже в чужой личине.

И стать матерью близнецам, которые изменяют мир.

https://litnet.com/shrt/W_nf

ВОД В 40. АГЕНТСТВО РАЗВЛЕЧЕНИЙ ПОПАДАНКИ

Пятнадцать лет брака не вмещаются в один сундук, но я старалась.

- Ты ещё приползёшь ко мне, - шипит мой муж в спину. Уже забыл, как однажды я спасла ему жизнь ценой рождения собственных детей. И я выбираю не роль любовницы, а развод.

Привет, море! Здравствуй, отпуск!

Осталось превратить богом забытое место в курортную зону. Открою агентство развлечений, начну новую жизнь. Третью по счёту, потому что я попала в этот мир много лет назад.

<https://litnet.com/shrt/dhD0>

ЛЕДИ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Айрин ДАР

НА С ИЗЪЯНОМ. ХОЗЯЙКА АНТИКВАРНОЙ ЛАВКИ

Попасть в тело слепой по собственной воле, потому что это задание комитета. Последние тридцать лет я провела без тела, закрытая в специальном ящике.

Моя цель - вернуть в свой мир артефакт, пока не закрылся портал. А для этого не выдать, что я прозрела, и влюбить в себя самого опасного дракона империи - Великого наместника, которого артефакт наделяет силой могущественного влияния.

Кто попадётся: он или я?

https://litnet.com/shrt/O_Ow

Глава 4

Колёса тяжело грохочут по разбитой дороге, каждая кочка отдаётся в теле тупой болью, а грудь всё ещё жжёт в том месте, где лежало чёрное кольцо. Магии внутри не осталось - лишь холодная пустота.

Ещё два года назад я и не помышляла о том, что способна снимать боли руками, заживлять раны и лечить переломы без традиционной медицины. Конечно, это не было чем-то слишком простым и требовало колоссальных усилий, но работало. И магия, текущая по венам, стала частью новой меня. Теперь же у её забрали, а саму будто везли на городскую свалку для утилизации. С моей сестрой они были намерены поступить так же?

Всё же удаётся сесть и разместиться, чтобы осмотреть всё «богатство» повозки. Света мало, но внезапно вспыхивает световой шар, и я различаю, что напротив меня сидит женщина в тёмном платье из грубой ткани. Форма простая, без украшений, но аккуратная. Такую носят люди, привыкшие к порядку и дисциплине. На груди поблёскивает небольшой металлический знак из потемневшего серебра, в центре которого кольцо, а внутри ещё что-то, но мне отсюда не видно. Формы сопроводительницы довольно пышные, лицо круглое, на вид около сорока. Волосы с проседью, стянуты лентой позади, но с выбивающимися локонами. Она смотрит на

меня, тихо покачиваясь и сложив руки на коленях, и молчит.

Поворачиваю голову направо. На соломенной подстилке лежит женщина. Она раскинула руки, будто её бросили без всякой заботы о том, как она упадёт. Тело худощавое, почти угловатое, плечи острые под тонкой тканью. На лице свежий шрам, из-за которого сложно сказать наверняка, сколько ей лет.

Платье когда-то было светлым, может быть, даже дорогим, но сейчас ткань потемнела от грязи и дорожной пыли. В нескольких местах оно порвано: у плеча, на боку, у подола. Сквозь разрывы видна бледная кожа, местами покрытая синяками.

Её волосы, когда-то, вероятно, густые и тёмные, теперь спутаны и прилипли к вискам, а на лбу запёкшаяся кровь. Она лежит без сознания, грудь едва заметно поднимается. Пальцы слегка подёргиваются, будто тело всё ещё не отпустило пережитый страх.

Некоторое время смотрю на неё, а потом перевожу взгляд на женщину напротив.

- Кто она? - звучит от меня вопрос.

Та сначала не отвечает, только чуть сильнее раскачивается вперёд-назад, как человек, привыкший к долгим дорогам. Потом наконец произносит спокойно, почти равнодушно:

- Жена советника из южных провинций. Тиания Офелия Растен.

- Что она сделала? - спрашиваю тихо.

- Разве нужно что-то делать, чтобы оказаться здесь? – звучит вопрос на вопрос. – Достаточно быть нелюбимой женщиной.

- Почему у неё шрам?

- Она попыталась сбежать. Ударила одного из стражников подсвечником. Хочешь совет? – останавливает моё дознание. – Задавай меньше вопросов, таких не любят в «Доме послушания».

- Где?

- В приюте, - перефразирует женщина. – И чем раньше ты это поймёшь, тем лучше.

Повозка продолжала катиться ещё долго. Если мне не изменяет память, то до приюта около семидесяти лигов от столицы. Тут дороги становятся уже, а леса гуще. Здесь редко бывают путники и ещё реже – посланцы двора.

Женщина напротив достаёт тряпицу, откидывает её и принимается есть, а я вновь ложусь на пол, пытаюсь придумать, что делать дальше.

Когда, наконец, приезжаем перед нами серый каменный комплекс, окружённый высокой стеной. Это место больше напоминает крепость, чем приют. Над воротами висит потемневшая от времени табличка с гербом империи. Ни цветов, ни украшений, только холодный камень и железные створки ворот.

Добро пожаловать в последнюю обитель.

Глава 5

Внутри территория делится на несколько корпусов, об этом нам рассказывает сопровождающая, будто устраивает экскурсию.

Длинное трёхэтажное здание с узкими окнами слева - жилой корпус, где держат женщин.

- Содержатся женщины, - поправляет она саму себя, но оговорка мне ясна.

Чуть дальше низкое, вытянутое строение с трубами - лечебница, хотя от одного взгляда на него становится жутко. Кажется, попади сюда – обратно тебя вынесут лишь ногами вперёд.

За лечебницей – рабочий корпус.

- Здесь женщины шьют, валяют шерсть, дубят кожу, красят ткани.

- Для кого?

- Для себя, конечно же, - огрызается сопроводительница, словно не любит этот вопрос. – Кто этих дармоедок держать тут будет просто так?

С момента нашего приезда она стала грубее. То ли сам приют накладывает отпечаток, то ли тут так положено себя вести.

Пока идём, попадаются женщины в серых платьях: одни стоят у стен, другие работают, кто-то просто смотрит перед

собой пустыми глазами. Некоторые выглядят совсем юными, другие уже сломленными жизнью.

Никто не улыбается, никто не разговаривает.

За рабочим корпусом виднеется ещё одно строение: вытянутое, приземистое, сложенное из тёмного камня. Окна там маленькие, почти щели, а на дверях висят тяжёлые железные засовы.

- Дисциплинарный корпус, - продолжается экскурсия. - Для тех, кто не сразу понимает правила.

Ещё дальше, ближе к внешней стене, стояли низкие деревянные бараки. Оттуда доносился слабый запах дыма и чего-то кислого.

- Кухня и склады, - продолжает женщина, пока неторопливо бредём по территории. - Здесь готовят пищу и держат припасы. Иногда сюда отправляют женщин на работу, но только тех, кому можно доверять. А вот там прачечная.

Офелия Растен, что была без сознания, теперь рядом, идёт, ухватившись за мой локоть, чтобы не упасть, и просто молчит, а я внимательно осматриваюсь, чтобы запомнить каждую мелочь, которая поможет мне сбежать отсюда. Не знаю, куда именно идти, но я здесь не останусь, по крайней мере, надолго.

На глаза попадаются редкие, кривые деревья и какие-то тёмные кусты.

- Сад, - оповещают нас.

- Гордость приюта? – не могу не пошутить.

- Дисциплинарный корпус любит новичков, - расплывается сопроводительница в улыбке, словно ей доплачивают за то, что она приведёт кого-то в этот корпус.

Проходим ещё немного, и за лечебницей замечаю обнесённую оградой территорию. Кладбище, от которого, кажется, до сюда доносится могильный холод.

- Камеры тишины, - называет место сопроводительница.
- Последнее пристанище неугодных.

То ли испугавшись, то ли израсходовав все силы, Офелия спотыкается и чуть не падает, пытаясь увлечь меня за собой. Удерживаю и себя, и её.

- Долго ещё? Она еле держится на ногах, - задаю вопрос.
- Пришли.

Перед нами в самом центре возвышается главное здание - старый каменный дом с высокой башней.

- Здесь живёт начальство, - поясняет сопроводительница.
- И кто у вас главный?

- Не задавай вопросов, я же предупреждала, - хмурится женщина, оглядываясь, а потом говорит тихо. - Альта Мадрона Эстара. Персонал под её началом. Надзирательницы, лекари, писцы и несколько магов, следить, чтобы никто из вас не вздумал вспомнить о своей силе. А теперь за мной.

Мы поднимаемся на крыльцо и открываем дверь. В холле стоит высокая женщина лет пятидесяти. Спина прямая, как копье, руки сложены за спиной, а глаза холодные и внимательные.

- Новенькие? - спокойно спрашивает.
- Одна из столицы, вторая с юга, - передаёт сопроводительница какую-то бумагу. Женщина разворачивает и быстро пробегаётся глазами по строчкам, а потом поднимает на нас взгляд.
- Не знала, что хранитель женат.
- Был всего полдня, - докладывают ей, и каланча негромко смеётся.
- Ещё один рекорд нашей скромной обители. Кто из них?
- Эта, - кивает в мою сторону сопроводительница, и колкий взгляд сканирует меня с ног до головы. Она снова обращается к бумаге, видимо, читает данные о второй несчастной, а потом сворачивает листок и убирает к себе в карман.
- Что ж, мои неугодницы, добро пожаловать в «Дом послушания».

Дорогие читательницы. С праздником вас. Весеннего настроения и любви

А если хотите порадовать автора, всегда можете подписаться на него и поставить звёздочку книге

А вот так приблизительно выглядит территория "Приюта ненужных жён"

Глава 6

Сопроводительница оставляет нас здесь, а сама выбирается из дома.

- Меня зовут Лана Веридия Краст, - представляется женщина, на груди которой красуется эмблема: замок и подпись – «Дом послушания». – И я расскажу вам правила нашего приюта. Следуйте за мной.

Она поворачивается, отправляясь через холл к правому выходу, а мы идём за ней. По пути попадается несколько женщин в такой же форме, и я понимаю, что так здесь выглядят сотрудницы. Никто не обращает на нас особого внимания. Пусть для нас всё ново, а для тех, кто здесь работает, давно уже всё стало обыденностью.

- Итак, запоминайте, - голос Веридии звучит холодно и довольно громко. - Имена отменяются, они вам больше не пригодятся. Все женщины получают номера и обязаны запомнить и отзываться на них.

Звучит как что-то невероятное, но вряд ли она шутит.

Машинально касаюсь своего плеча, которое до сих пор ноет, и в этот же момент Краст оборачивается, замечая движение.

- Нет, это не номера, это знак ненужности, - бросает реплику, а я чуть отодвигаю платье, различая тёмное клеймо, словно ожог от раскалённого железа. Тонкие линии замыка-

ются в кольцо - символ брака, только искривлённый, будто металл расплавился и застыл неровно. И две линии перечёркивают его.

- Попробуете сбежать – вас сразу же вернут обратно, - продолжает Краст. - Полное послушание: ни слова протеста, ни малейшего отказа не будет прощено. Нарушение карается дисциплинарным корпусом.

Никакой магии без разрешения. Любое проявление силы, даже слабой, фиксируется и жестоко наказывается.

Просыпаться и ложиться строго по сигналу колокола. Опоздание карается физическим наказанием.

Нарушение правил трапезы или попытка взять еду сверх нормы карается.

Нет ничего личного. Всё, что вы имеете, - собственность приюта.

Переходить между зданиями разрешается только с сопровождающей.

Вы обязаны трудиться, сюда включено шитьё, уборка, прачечная, уход за садом. Любые попытки уклонения строго пресекаются.

Разговоры за столом или в коридорах без разрешения надзирательницы наказуемы.

Никто не выслушает ваших слёз, криков или просьб. Нарушение воспринимается как провокация.

Одежда, причёска и постели проверяются ежедневно.

Она замолкает, а я не могу поверить в то, что в мире су-

существует место, подобное этому. Кто придумал эти ужасные правила и для чего? Точнее, почему им продолжают следовать?

- Могу я спросить? – всё же гложет один вопрос.

- В качестве исключения.

- Почему у вас есть имя, а у других не должно быть?

Она останавливается так резко, что чуть не врезаемся в её спину. Поворачивается, внимательно осматривая.

- Потому что вы – НЕУГОДНЫЕ, - почти выплёвывает мне это слово в лицо. – А мы те, кто служим на благо нашей империи.

Она снова идёт, а я понимаю, что лишние вопросы могут навлечь на меня беду. Я слышала историю возникновения этого места: «Дом послушания» появился не из милосердия.

Более ста лет назад в столице Акриона разгорелся скандал, о котором тогда говорила вся империя. Несколько знатных женщин оказались замешаны в делах, которые мужчины предпочли бы никогда не выносить в свет: одна пыталась отравить мужа, другая сбежала с любовником, третья открыто выступила против решений своего рода.

Их нельзя было казнить, слишком громкие фамилии. Нельзя было и просто развести: в те времена брак между родами был прежде всего политическим договором. Тогда Великий Совет предложил решение, которое показалось всем удобным: создать место, куда можно отправлять «проблемных».

Так появился «Приют ненужных жён».

Сначала это было небольшое поместье за чертой Варругна, куда отправили этих троих. Предполагалось, что они будут жить там тихо вдали от глаз общества, пока их семьи решают, что делать дальше.

Но идея оказалась слишком удобной. Очень быстро в приют начали отправлять не только скандальных жён, но и тех, кто просто мешал: слишком умных, слишком непокорных, слишком неудобных, слишком нелюбимых. Для каждой нашлась причина.

Кто-то мешал мужу завести любовницу, кто-то задавал слишком много вопросов, некоторые обладали магией, которую боялись.

Через несколько лет старое поместье уже не справлялось. Тогда было принято решение построить целый комплекс с дальновидностью на будущее, куда могло поместиться до трёхсот женщин. Поставили его в семидесяти лигах от столицы. Официально его объявили благотворительным учреждением: местом, где «заблудшие жёны могут исправить свои ошибки и научиться достойному поведению». Но в истории случаи, когда отсюда кто-то уезжал обратно, были единичными. В большинстве своём мужья наслаждались свободой, не испытывая никакого зазрения совести, а бедные женщины проводили остаток жизни в затворничестве.

Часть забирали после смерти, чтобы похоронить в фамильных склепах, а другие так и остались здесь, в Каме-

рах тишины. Не так рассчитывала я провести свою вторую жизнь.

Итак, начинаю знакомить вас с историями, которые выйдут в рамках литмоба "Вторая жизнь лекаря"

*Валентина Элиме - Хвостатая практика попаданки, или
Подкова на счастье*

Если подкова упала вам на голову - не радуйтесь! Возможно, это не на счастье, а самое настоящее проклятие!

<https://litnet.com/shrt/QeZb>

Глава 7

- Альта Мадрона Эстара управляет этим местом уже более пятидесяти лет, - заканчивает экскурсию провожатая, будто читает мои мысли на этот счёт, и становится неудобно. Тут и в голове копать умеют? – При ней приют стал образцово-показательным.

Как только не оправдывают злодеяния!

Мы останавливаемся перед массивной дверью, украшенной металлическими накладками и символами драконьего круга. Два стука, и Веридия толкает дверь, за которой расположен довольно тесный кабинет, где четверо помещаются с трудом.

Почти на всю ширину комнаты стоит большой деревянный стол, за ним - женщина с высоко собранными волосами и строгим лицом. Перед ней -огромная тетрадь с толстыми страницами, в которую она что-то сосредоточенно пишет, не поднимая головы. Чернила блестят при свете магических шаров, размещённых на потолке, и каждая запись кажется важной и окончательной.

- Лана Хермана, - приветствует её Краст, – я привела двух новеньких, нужно записать их в книгу и выдать номера.

- Обезличивание, - вместо «здравствуйте» говорит она. – Для этого давно придумано слово, лана Веридия, называйте вещи своими именами.

Она всё же поднимает на нас глаза, и становится жутко, потому что зрачки у неё вертикальные. Наверное, я слишком пристально на неё смотрю, что она делает мне замечание. И только теперь вспоминаю, где видела подобные глаза – у змей.

Шуршит бумага, передаваемая из рук в руки, и Хермана переворачивает страницу на нужную, ставит очередной номер, в котором уже шесть цифр, и начинает переписывать имя, значащееся в записке.

- Ты будешь – сто двенадцатой, - объявляет она Офелии.
- А ты, стало быть, сто тринадцатой, - теперь уже мне.

Сейчас март, счёт у них идёт от начала года? Или от начала основания приюта? Если здесь за сто лет побывало чуть более ста женщин, то не так уж всё и печально. Но когда мы получаем платья, понимаю, насколько ошиблась. Я не просто сто тринадцатая, я сто три тысячи сто тринадцатая, и волоски по всему телу поднимаются по стойке смирно. Сколько же женщин побывало здесь!

Платья похожи на те, что надеты на персонал, только чёрного цвета, без украшений, с тонкими поясами. Около самого ворота два крючка, чтобы прицеплять номер. Платьев дают два, личный номер - один, обещая обязательно наказание, если его потеряем. Ещё дают двое чулок на ближайший год, одни туфли, чепец, дабы укрывать волосы, накидку и пальто.

- Распишитесь, - приказывает змея, и я ставлю красивый росчерк из прошлого, а Хермана внимательно рассматривает

завитки моей прежней фамилии Горностаева.

- Что это? – поднимает брови.

- Роспись.

- С этого дня лишь номера!

- Но как вы поймёте, что это сделала я, а не кто-то другой?

Если бы можно было испепелять взглядом, я бы уже дымила.

- Я пойму. Ещё не разу при мне не было таких вопросов, жена-однодневка.

Не знаю, смеяться с её шутки или плакать, но только что меня сравнили с бабочкой, чей срок жизни всего один день.

Растен расписывается молча, и у меня складывается впечатление, что она немая. Вообще на моём фоне она слишком хороша для этого места.

- Бери пример со сто двенадцатой, - говорит змееглазая. – Такими гордится приют. Ни одного лишнего слова, - продолжает с лёгкой усмешкой. - Ни истерик, ни глупых вопросов. Вот это я понимаю правильное начало.

Она захлопывает тетрадь так резко, что пыль поднимается тонким облачком, отчего я тут же чихаю, а Хермана рукой показывает, чтобы мы выметались.

- Идёмте, - первой на выход шагает Краст, и мы подчиняемся, прижимая к груди выданное богатство. Дверь за спиной закрывается тяжело, с глухим щелчком, словно окончательно отрезая нас от прежней жизни.

Коридоры кажутся ещё длиннее, чем прежде. Каменные

стены холодные, гладкие, местами потемневшие от времени. Шаги гулко отдаются под сводами.

Офелия идёт рядом, всё так же молчаливо держась за мой локоть, чем начинает меня раздражать. Она будто кукла, согласная на любые правила игры.

Веридия не оглядывается. Через пару минут выходим через боковую дверь и снова оказываемся во дворе, где холодный и сырой воздух окутывает наши тела.

Теперь путь лежит к дальним зданиям, туда, где размещены бараки для проживания прибывших. Хотя ума не приложу, что им стоит за столько лет построить замок, дабы облегчить участь бедных женщин?

- Здесь живут неугодницы, - бросает через плечо Веридия.

Она произносит это слово так спокойно, будто речь идёт о каком-то виде скота. А я задаюсь вопросом, отчего эту лавочку никак не прикроют?

Бараки стоят рядами, длинные, тёмные, с низкими крышами. Окна маленькие, мутные, некоторые забраны решётками. Но нас ведут не туда. Сперва к другому зданию, низкому, каменному, с широкими дверями, из которых тянет сыростью и горячим паром.

- Помывочная, - поясняет Веридия. И это следующий шаг к тому, чтобы перестать быть той, кем я была последние два года.

Ещё одна история о враче-попаданке от

Нины Новак - Целительница для обречённого дракона

Шесть лет назад дракон бросил невесту у алтаря. А годы спустя лишь скромная попаданка-врач в ее теле способна спасти этого самодура.

<https://litnet.com/shrt/qlNY>

Глава 8

Внутри помывочной влажно и душно. Каменный пол покрыт лужами, стены тёмные от пара. Вдоль стен стоят большие деревянные чаны с водой. Где-то в глубине шумит котёл, и в воздухе висит запах щёлока и мокрой ткани.

Несколько женщин в чёрных платьях молча работают у корыт, выливая воду и натирая полы. Когда мы входим, они даже не поднимают головы, делая вид, что слишком сосредоточены работой.

- Раздевайтесь, - приказывает Веридия. – Свои платья оставляйте здесь, после наденете то, что выдано. Живо, - прикрикивает, потому что не сразу реагируем.

Снимаем одежду прямо посреди комнаты. Свадебное платье моей сестры, которое всё ещё на мне, выглядит жалко: грязное, истрёпанное и порванное. Символ чистоты и невинности, оно падает на мокрый пол, напоминая в который раз о том, что моя собственная свадьба с Люмусом никогда не состоится, а я прикрываю наготу.

- Мыло, - указывает на тёмный брусок Веридия, - шумка, - это уже о мочалке. – Даю вам семь минут, - после этих слов она выходит, а одна из работниц поднимает нашу одежду и уносит её куда-то.

Офелия, которая ещё недавно еле стояла на ногах, теперь выглядит лучше. Она подходит к большой деревянной боч-

ке, берёт со скамьи черпак, небольшой тазик и переливает часть воды туда. Делает она всё молча и быстро, будто для неё это не впервой, но, признаться, всё очень похоже на общественные бани, правда, вода, которую я опрокидываю на себя из ковша, куда холоднее, чем следовало бы. Ахаю от неожиданности, а позади раздаётся смех.

- Привыкай, тут тебе не курорт, - звучит чей-то голос.

Офелия моется, будто вода комфортная, а у меня зуб на зуб не попадает. Утренние процедуры для других закончились, вода остыла, и никто не намерен подогреть её для нас.

Мыло пахнет щёлоком, но я втираю его в кожу, не зная, когда будет следующий раз для купания. Кажется, так смогу стереть всё плохое, что произошло со мной в ближайшие сутки. В груди всё тоже саднящее чувство пустоты, а кожа начинает щипать, и я быстрее смываю с себя мыло. Когда пытаюсь помыть волосы, входит Веридия.

- Поторапливайся, - обращается ко мне, потому что Офелия уже вытирается насухо, чтобы надеть форму. И в который раз за сегодня такое чувство, будто она создана для этого места.

Она – да, я – нет. НЕТ!

Полотенце больше напоминает мешковину, чем мягкий, приятный для тела, прямоугольник. Волосы спутались, вряд ли мне дадут специальную маску, чтобы они не были такими сухими. После того, как оказалась в этом мире, мне при-

шлось потратить несколько месяцев, чтобы объяснить отцу, что это просто необходимая вещь для любой женщины. Теперь же можно на это даже не рассчитывать.

Добираюсь до платья, когда Растен поднимает второй комплект, прижимая его к груди, и ждёт меня. А я слушаю лекцию, что следует брать пример со сто двенадцатой.

Ткань жёсткая, тяжёлая, колючая, садится немного мешковато, но пояс позволяет затянуть талию на нужную ширину. Надеваю чулки, потом туфли и чепец, потому что идти с мокрой головой по улице не лучшая из идей. Не хватало тут ещё заболеть, тогда привет Камеры тишины.

- Волосы следует затягивать в крепкий узел, - указывает Краст на голову одной из работниц, и мне приходится собрать свои в пучок, продеть в специальную прорезь в чепце, а уже затем завязать его. Хорошо, что не вижу, как выгляжу, уверена, это отвратительно.

- Номер, - напоминает Веридия, когда я готова выбраться отсюда, и несколько раз трогает нужное место на себе указательным пальцем. Бросаю взгляд в сторону Офелии. Готова поклясться, что она ничего не цепляла, но на её груди поблёскивает металл. Если честно, она меня начинает раздражать своей идеальностью.

Металлическая пластина холодит пальцы и никак не желает вставляться в крючки. Веридия цокает языком, и Растен принимает это за приказ. Тут же оказывается рядом, осторожно берёт мой жетон и прикрепляет его за пару секунд.

- Вот видишь, ничего сложного, - качает головой Краст. – Бери пример...

- Со сто двенадцатой, да, я запомнила, - не могу сдерживать раздражения.

Лицо надсмотрщицы не меняется, она спокойно запускает пальцы за пояс и добывает оттуда какой-то вытянутый предмет, размером в пару сантиметров. Размещает его в руке, и тут же небольшая палочка вытягивается в сторону, превращаясь в подобие хлыста.

- Подойди, - командует Краст, и я понимаю, что она не обнять меня хочет, а наказать за то, что я её перебила. – Сейчас я преподам тебе первый урок.

Не лучшее место для девушки, но Оливия не из тех, кто подчиняется. Она из тех, кто желает сломать систему.

Ждём новую главу - знакомимся с историей нашего лит-моба о ещё одном лекаре

Хелен Гуда, Агния Сказка - Больница для бедных. Попаданка всех вылечит

https://litnet.com/shrt/lzx_

Вторая жизнь
лекаря

Вылечила сына герцога, а в благодарность получила больницу. Вот только герцог, что то слишком часто начал приезжать с проверками, или он проверяет не больницу, а меня?

https://litnet.com/shrt/lzx_

Глава 9

Мы только что перестали быть людьми, приняв на себя участь номеров.

Маргаритой Обуховой я была тридцать два года, Оливией Морвейн - два года, Оливией Ваэль – полдня, номером 103 113 с недавнего времени.

Господь моего мира и боги этого, дайте мне проснуться...

Впереди, гордо вскинув голову и сияя, шагает Веридия, словно получив удовольствие от того, что сделала. Следом за ней – Офелия, и я замыкаю тройку с покрасневшими от наказания руками. Подобно нерадивому ученику, получила удары по пальцам, и это, признаться, больно. Молча вынесла показательную порку, возненавидев это место ещё больше.

Пальцы пылают и пульсируют, и я прижимаю к груди одежду больше не ладонями, а предплечьями, пытаюсь успокоиться. Но глаза высматривают какой-нибудь камень, который можно будет запустить в слишком ровную спину впереди.

Теперь двор не кажется большим, как виделось мне в первый раз. Нагромождение зданий неимоверно давит, и ощущение замкнутости становится почти физическим: каждая стена, каждый камень напоминают, что отсюда выхода нет.

Впереди не просто жизнь в «Доме послушания», а ежедневная борьба за выживание и сохранение хоть какой-то ча-

сти себя, и я не намерена сдаваться, а пока стоит занять выжидательную позицию.

На этот раз Веридия сворачивает на узкую дорожку между двумя корпусами, направляясь к трём деревянным баракам с кривыми крышами, почерневшими от дождей, узкими окнами, затянутыми мутным стеклом, и покосившимися дверями. От построек тянет сыростью и чем-то затхлым, словно внутри давно не проветривали. Такое чувство, что здесь ничего не ремонтируют, и что-то мне подсказывает, что причина не в отсутствии финансирования, а в самом факте: всем, кто здесь работает, приносит удовольствие издеваться над беззащитными женщинами.

Камни под ногами влажные, будто их никогда не сушит солнце. Ветер тянет запах дыма из кухни, смешивающийся с какой-то горечью и тухлой рыбой. Хуже этого может быть лишь капуста, и, будто подслушав мои мысли, к рыбе примешивается второй ненавистный запах, отчего тошнота сразу подкатывает к горлу.

- Здесь существует порядок, - снова подаёт голос Веридия, слегка обернувшись. – Теперь вы не альты, тиании и ЭРДА-НЫ, - нарочно выделяет мой титул надсмотрщица, потому что в империи выше него только император, - никто не будет расчёсывать вам волосы на ночь, тереть спину в помывочной и приносить похлёбку на серебряном подносе. В «Доме послушания» каждая должна знать своё место.

Она указывает хлыстом на длинное строение впереди.

- Бараки - ваше первое жилище. Новенькие всегда начинают отсюда, - продолжает Краст. - Первые две недели испытание для вас и нас. Вот тогда мы и узнаем, насколько вы пригодны для жизни здесь. Если номер бунтует, отправляет в дисциплинарный корпус. Если ведёт себя тихо, работает, не нарушает правил, через пару недель, может месяц, его могут перевести.

Она кивает в сторону аккуратного двухэтажного дома чуть дальше.

Он тоже серый, но выглядит куда лучше: окна шире, крыша новая, возле стены даже стоят несколько лавок.

- Там живут те, кто понял, как устроен этот мир, и готов платить благодарностью за нашу доброту.

Она употребила слово «благодарность?»

Давлюсь воздухом, закашливаясь, и Веридия тут же смотрит пристально в мою сторону.

- Я сказала что-то смешное?!

- Нет-нет, просто воздух такой свежий, что распирает лёгкие. С непривычки, - выдерживаю её взгляд, которым она буравит меня несколько секунд. Офелия молчит, как обычно, не человек, а робот. Такая сразу может переезжать без испытательного срока, кажется, прикажи ей копать себе могилу, она и тут противиться не станет, а молча выполнит поручение.

- Во Втором круге, так мы называем этот дом, - продолжает рассказ Краст, - спят по четверо в комнатах. Еда чуть

лучше. Работа чуть легче, так что мотайте на ус.

Снова проходим какое-то расстояние, пока надсмотрщица не тычет в ещё одну постройку: каменную, с аккуратными ставнями и маленьким садиком перед входом. Из трубы поднимается лёгкий дым, а возле крыльца стоят две женщины в тёмно-зелёных платьях, явно не из персонала. Одна с платком на голове, повязанном на манер тюрбана, вторая с непокрытой головой. Наши взгляды встречаются, и Веридия слегка кивает дамам напротив.

- А спустя полгода, - продолжает надсмотрщица. – Собирается комиссия, которая решает, достойны ли вы «Благонравия». Здесь живут лишь те, кто научился быть не просто послушным, но и полезным для приюта.

Да-да, я поняла. Те, кто готов облизывать руки своим истязателям. И у каждого свой путь: потерять себя и добраться по «карьерной лестнице» до мягкой постели или бунтовать и пытаться сбежать.

Чуть позже я узнаю, в чём состоит помощь некоторых из «Благонравия». Они поменяли тёплые комнаты и дополнительную еду на помощь надзирателям. Вместе со стражей они следят за порядком и закладывают всех, кто провинился или намерен сбежать. Потому со времён основания приюта, побегов здесь почти не было.

Немного спойлеров: совсем скоро появится кто-то знако-

мый в этой истории)))

А пока добро пожаловать к коллегам *Маргарите Абрамовой* и *Николь Фенникс*в новинку

Доктор Вера. Я исцелю тебя, Дракон!

Вера не верит больше мужчинам. Она лечит чужие раны, пряча свои.

<https://litnet.com/shrt/BBUO>

Глава 10

«Дом послушания» знал лишь три побега, о которых до сих пор ходили истории.

Первый произошёл почти сорок лет назад. Номер 35 876 была магом воздуха и долго притворялась покорной. Работала в прачечной, не спорила, кланялась надзирателям и даже получила перевод в «Благонравие». Там она прожила почти год.

Однажды ночью поднялась буря, ветер рвал крыши и ломал ветви деревьев, а утром её уже не было. Говорят, она ушла через старую северную калитку, а её тело нашли в лесу через три дня. Якобы волки, но есть догадки, что это ложь, и на самом деле никто её так и не обнаружил.

Второй побег был куда громче. Его совершили две женщины сразу. Обе работали в кожевенной мастерской и, как оказалось, несколько месяцев копили маленькие ножи и обломки металла. Они напали на стражника у задних ворот, но далеко уйти не удалось, к утру их поймали. После этого в дисциплинарном корпус появилась пыточная. В том самом длинном каменном сарае с узкими окнами, что до сих пор стоит здесь, женщины увидели последний рассвет в своей жизни.

Третий побег произошёл относительно недавно, о нём здесь говорили особенно тихо.

Неудобная помогала надзирателям слишком рьяно, и никто не ожидал от неё предательства. Но однажды утром выяснилось, что она исчезла. Просто растворилась без шума и следов. Мадрона была в ярости, но беглянку нашли и вернули на место. Правда те, кто хорошо её знал, говорили, что это вовсе не она, а другая женщина, которая в скором времени заняла место в Камере тишины.

Как бы то ни было, все истории заканчивались для беглянок плохо, чтобы отвадить других повторять подобное. Только кто сказал, что смерть хуже того, что здесь творится?

Подходим к низкому тёмному бараку, дверь с треском открывается, и в нос ударяет запах затхлости и мыла. Здесь небольшая комната, отделяющая от основного помещения. На гвоздях какие-то тряпки, а внизу несколько драных сапог и вёдра. Вот и первая ступень нашей жизни.

Проходим дальше. За дверью узкий коридор, сразу ощущается, что простора здесь почти нет. По обеим сторонам рядами стоят кованные койки, которым на вид лет сто. На каждой - по тонкому матрасу, набитому соломой, на подушках бурые пятна, остаётся лишь догадываться от чего именно, одеяла давно потеряли цвет и местами в дырах.

Быстро считаю количество кроватей – тридцать, и всего три женщины, которые тут же подсакивают с места, потревоженные нашим визитом, и испуганно смотрят в сторону Веридии.

- Почему здесь? – кривит она губы.

- Пятьдесят седьмая больна, - тут же отзывается самая бойкая, - мы с шестидесятой присматриваем и зашиваем одеяла, слишком много расплодилось крыс, нам бы...

- Вдвоём за одной? – фыркает Краст. – Живо отвести в лекарскую, а вы на работы! Кто не работает, тот...

- Не ест, - заполняю паузу, и Веридия поворачивается ко мне.

- Кажется, урока ты не освоила, к тому же у тебя неверное продолжение. Не просто не ест, а получает пятьдесят плетей. Хочешь, чтобы с тебя начали?

- Нет, благодарю.

- Скучаю по временам, когда разрешалось отрезать язык, - страшает меня надсмотрщица. Нормальные здесь работать не будут, а только садисты. Вот такие, как она, даже не скрытые.

Здесь довольно темно, потому что окна плохо пропускают свет, и уверена, что всё сделано нарочно, чтобы сломить тех, кто сюда попадает. Послушная неугодница получает бонусы, вся система строится на этом.

- Размещайтесь на свободных местах, - говорит Краст, - а вы за мной, - уже не нам.

Обмениваемся взглядами с выходящими и остаёмся одни.

- Если хочешь выжить, тебе лучше не злить тех, кто в сером, - наконец, подаёт голос Офелия. Она со знанием дела окидывает комнату, каким-то образом вычленяет свободную кровать и направляется к ней. – Не хочешь замёрзнуть – за-

нимай место подальше от окон, - продолжает учить. - Каждая деталь имеет значение. Не думай, что только надзирательницы следят. Те, кто в чёрном, тоже наблюдают. Они могут подсказать тебе или же устроить проблемы - выбирай, кому доверять. Кто-то нарочно будет тебя испытывать, потому будь внимательна. Не спорь и не задавай глупых вопросов, не смейся, постоянно будь занята, так меньше выделишься из толпы.

- Ого, сколько слов разом, я думала, ты немая.
- Просто я не понаслышке знаю о таких местах.
- Ты была здесь?
- Однажды, но я не желаю об этом говорить.
- Тогда почему тебя не узнали.
- Я не желаю говорить об этом.
- Почему я должна тебе верить?
- Не верь, это твои проблемы.

Она выбирает одеяло получше, размещает свой нехитрый скарб в общем шкафу и подходит к окну, словно там можно что-то рассмотреть.

- Что насчёт еды? - осторожно спрашиваю, пока мы одни.
- Еду делят по номерам. Не пытайся брать больше, чем положено, иначе кто-нибудь сообщит. Здесь еда - это валюта. А если кто-то голоден, он готов предать ради куска хлеба. И запомни, твой комфорт - это роскошь, которую тебе здесь дадут лишь в одном случае. Постарайся экономить силы, не трать время на глупости.

Кутаюсь внакидку, потому что до меня добирается сквозняк.

- Ночи здесь холодные, длинные и тихие. Шёпот - опасная вещь, даже если кажется, что вокруг никого нет. И никогда не верь, что стены не слышат. Они слышат всё.

Новый лекарь спешит рассказать вам свою историю

Натали Эмбер - Знахарка для дракона

Дракон лишил меня всего, теперь ему требуется моя помощь

<https://litnet.com/shrt/4vw7>

Глава 11

Долго сидеть нам не дают.

Где-то за стеной раздаётся резкий металлический удар, будто по трубе бьют чем-то тяжёлым. Один раз, потом второй и третий.

Я вздрагиваю от неожиданности.

- Ужин, - коротко говорит Офелия, надевая чепец и поправляя номер на груди. От той женщины, что только что делилась со мной правилами выживания, не остаётся и следа. Лицо снова становится смиренным и спокойным, словно она совсем другой человек.

- Пошли. Если опоздаешь - останешься голодной, здесь никто не церемонится.

Мы выходим из барака вдвоём, смотря как люди принимают стекаться в сторону длинного каменного здания с широкими дверьми - кухни. Женщины движутся молча, почти строем, словно их уже давно приучили ходить так. Кто-то кутается в накидки, кто-то прячет руки в рукава, но никто не разговаривает, и от этого становится жутко.

Только сейчас замечаю двух мужчин, прогуливающихся неподалёку. Они одеты в тёмную форму, руку держат на мечях, притороченных к бокам. На головах подобие беретов, лица бритые, волосы короткие. Один из них внезапно окликает кого-то и торопится в сторону. Второй остаётся на

месте, лениво наблюдая, как женщины проходят мимо. Его взгляд скользит по рядам чёрных платьев, по металлическим номерам на груди, по опущенным лицам.

Машинально тоже смотрю туда, куда ушёл его товарищ.

Невысокая женщина лет пятидесяти не успела отойти от барака и теперь стоит, словно провинившаяся ученица. Стражник хватает её за локоть и резко разворачивает к себе. Какой-то диалог, и он вытягивает хлыст, а меня в спину кто-то толкает, чтобы не зевала, потому приходится отвернуться. Нетрудно догадаться, чем всё закончилось.

Внутри столовой отвратительный запах рыбы, дыма и чего-то кислого.

- Живее, - рывкает надзирательница в проходе, и толпа ускоряется.

Длинные деревянные столы тянутся рядами, лавки стоят так близко, что между ними едва можно пройти. Под толчком горят магические шары, но света всё равно мало, он тусклый и желтоватый, может затем, чтобы нельзя было рассмотреть чего-то лишнего в еде.

Людей здесь много, кажется, около сотни, может полутора. Почти все в чёрных барачных платьях. Лица разные: молодые, старые, уставшие, потухшие. У одной женщины выбит передний зуб, у другой через всю щёку тянется старый шрам, у третьей перевязан глаз.

Мы становимся в колонну, ожидая свою порцию. В конце длинного стола две работницы в сером разливают ужин

по металлическим мискам. Рядом стоит надзирательница и внимательно следит, чтобы никто не взял лишнего.

Когда подходит наша очередь, мне в руки суют тяжёлую миску. Можно не смотреть, я знаю, что там рыба. Серые куски плавают в мутной воде, похожей на слабый бульон. Кожа на них местами слезла, а там, где осталась, покрыта белёсыми пятнами. В некоторых кусках торчат тонкие кости.

От миски поднимается резкий запах тины, будто эту рыбу вытащили из болота и забыли на солнце.

Скорее убираюсь, чтобы не стошнило на людей, потому что есть такое выше моих сил. Желудок сводит от голода, но горло сжимается судорогой.

Офелия растворилась в сотне похожих, потому сажусь на свободное место, делая вид, что намерена есть. Она говорила не выделяться, что ж, буду стараться.

Помимо рыбы есть подобие чая и кусок хлеба, будто его нарочно держали на воздухе не накрытым, чтобы он быстрее зачерствел. Женщина рядом ломает хлеб и спокойно опускает его в мутный бульон.

Боги, пусть я проснусь, это выше моих сил.

Ложки быстро летают над тарелками, а несколько женщин в сером ходят и следят за трапезой.

- Так-так-так, - внезапно раздаётся голос над ухом, - кажется, у нас тут новенькая, что ещё не привыкла к чудесному ужину, - голос-издёвка. – ЕШЬ! – командует она, а неугода-ницы будто не замечают ничего вокруг, смотря лишь в свои

тарелки. Нахожу Офелию, кивком головы она подсказывает, что есть всё же придётся.

- ЕШЬ!

- Спасибо, я не... - начинаю, но тут же моё плечо дёргают назад, и рядом сидящие женщины теснят соседей, понимая, чем всё закончится. Они знают наверняка, я – нет.

- Что мы делаем с КОРОЛЕВАМИ? – издевается надсмотрщица, кривя улыбку. – Не вкусно тебе? – на мгновение кажется, будто ей меня жаль, но я тут же понимаю, что для неё это развлечение. – Сейчас узнаешь, что бывает с такими.

Надсмотрщица вырывает миску у меня из рук так резко, что мутная жидкость выплёскивается через край, попадая на мою одежду.

- Не вкусно? - почти ласково повторяет она.

Вокруг всё так же звенят ложки, в радиусе полуметра от меня никого, и никто не смотрит, никто не вмешивается. Сердце проваливается в желудок. Смотрю, как мучительница поднимает тарелку, переворачивая её, и холодная, вонючая жижа обрушивается на волосы, лицо, плечи. Рыбные куски скользят по шее и падают на платье, один застревает за воротом.

Запах тины ударяет в нос так резко, что у меня темнеет в глазах. Бульон стекает по вискам, по щекам, по подбородку, капает на пол.

- Вот и поела, - удовлетворённо говорит надсмотрщица. Она наклоняется ближе, чтобы я точно услышала:

- Здесь не место для тех, кто морщит нос.

Миска глухо падает на стол, а я больше не могу сдерживаться, и меня выворачивает на чистое серое платье и холёную рожу напротив.

Хотите узнать, как дела у других попаданок-лекарей - заглядывайте к

Оксане Лаврентьевой в книгу *Строптивая попанка. Жена окаянного графа*

Попала в тело крепостной красавицы? Стану повитухой и выживу! Но у кровавого барина с разбитым сердцем на меня другие планы...

<https://litnet.com/shrt/6aql>

Глава 12

Первую ночь в приюте я провожу в дисциплинарном корпусе: в вони, холоде и унижении.

Меня уводят сразу после столовой, так и не позволив выпить хотя бы подобие чая. На хлеб тоже рассчитывать не пришлось. Просто взяли под руки и потянули за собой после криков надсмотрщицы, которая пришла в негодование от моего поступка.

Идём в сторону того самого вытянутого каменного здания, которое называют «Дисциплинарным корпусом». Вблизи оно выглядит ещё хуже: тёмный камень, почти чёрный, будто пропитанный влагой и чем-то ещё, узкие окна шириной сантиметров по десять, будто говорят о том, что дневной свет тоже следует заслужить. Тяжёлая дверь с железными полосами, покрытая царапинами снаружи и проклятиями изнутри, я уверена, что всё именно так, потому что нельзя любить это место.

Внутри холодно, слишком холодно для содержания людей. Где-то капает вода, в ноздри бьёт запах сырости и крыс. У бабушки в сарае жили последние, потому я запомнила этот запах. Пол каменный, неровный, то и дело запинаясь о выступающие камни, пусть и отполированные сотнями женских ботинок, но от этого не сравнявшимися друг с другом по высоте.

Шаги гулко отдаются, и этот звук будто множится, возвращаясь эхом.

- Сюда, - командует работница корпуса, которая точно знает, что следует делать с такими как я, после того как ей объяснили суть. Меня толкают к одной из дверей, которая открывается с тяжёлым скрипом.

Комната, если это можно так назвать, крошечная. Каменный короб без кровати и стула. Пол, на котором тонкий соломенный тюфяк, и ведро в углу, назначение которого понимаешь сразу по характерному «аромату».

Свет лишь от магического шара, что держит в руках провожатая. Узкая щель окна под потолком не способна рассеивать заходящее солнце, и как только меня толкают внутрь, оказываюсь в крошечной тьме, потому что дверь тут же захлопывается, и шаги удаляются.

Стою несколько секунд, не двигаясь, в надежде, что за мной вернутся. Потому что нельзя наказывать человека за слабый желудок, ведь я сделала это не нарочно. Но, кажется, здесь всем плевать на такие мелочи. Не удивлюсь, если персонал в этом месте питается людскими страданиями.

Комната заполняется отвратительным запахом рыбы, ведь ни помыться, ни переодеться мне не дали. Не знаю, что здесь большее испытание: ледяная тюрьма, отсутствие кровати, голод, терзающий внутренности, или же омерзение к тряпкам, что надеты на мне. И ведь снять не могу – замёрзну.

Главное, успокоиться. Хотя бы попытаться и представить,

что это всё плохой сон.

Медленно опускаюсь на пол, нащупывая тюфяк. Холод мгновенно пробирается сквозь платье, и я шарю в поисках одеяла или пледа. Хотя бы в этом не отказали неугодникам.

Волосы липнут к лицу, шее и спине. Платье влажное, тяжёлое, холодное. Интересно, какие указания выданы касательно каждой из нас? Мы, как ненужный мусор, с которым здесь вольны поступить, как вздумается? И никакого отчёта, ничего?

Отец. Может, он узнает, что меня отослали сюда, и сжалится? Приедет, заберёт, если я не нужна мужу, может он всё же позаботиться обо мне? Надо узнать, есть ли возможность отослать письмо. Да, так и следует сделать. Я сама напишу ему, расскажу, что со мной случилось. Или же у него самой проблемы, потому что Ваэль мог так просто подлога не оставить?

Вспоминаю лицо сестры и своего жениха. Ненавижу, как же я их ненавижу за то, что они со мной сделали.

Касаюсь волос, пальцы тут же становятся скользкими. Меня снова мутит, но желудок пуст. Сглатываю и отворачиваюсь, только от себя не сбежать.

Прислушиваюсь. Очень тихо, как в склепе, если не считать мерного капанья воды. Воображение тут же рисует мертвецов, нечисть, монстров, и я кутаюсь в слишком тонкое для такого холода одеяло, пытаюсь заглушить страх и горечь. Я видела монстров, и у них человеческие лица.

Запах не уходит. Он въедается в кожу, в волосы, в мысли, и в какой-то момент начинаю плакать. Впервые за два года, как я здесь, плачу: от унижения, усталости и бессилия, от того, что меня сломали в первый же день, и от того, что это только начало.

Сплю отвратительно, если это можно назвать сном. То и дело сознание выбрасывает из дрёмы, потому что холод не даёт расслабиться.

Наутро дверь открывается.

- Встать! - звучит голос.

Поднимаюсь не сразу. Ноги затекли, тело будто чужое.

- Живо!

Меня снова хватают за локоть и выводят в коридор.

- Осознала, за что здесь?

- Да.

Отвечаю согласием, хотя совершенно не согласна, но здесь прав тот, кто сильнее. Увы, это не я.

- Да, лана Боза, - поднимает она мой подбородок тонким хлыстом, уча, как следует говорить. – Новенькая? – с интересом всматривается в моё лицо.

- Да, лана Боза.

- Капитан Цапс её уже видел? – теперь вопрос кому-то другому, но отчего-то он мне не нравится.

- Нет, лана, - отзывается седовласая. – С вечера он отбыл в столицу, но пока не возвращался.

- Вот как? – приподнимает она бровь, принюхиваясь. - От

неё смердит, отправьте в помывочную, а потом к капитану в спальню, он любит блондинок.

Испуганно распахиваю глаза. Что она сказала? В спальню?

История набирает обороты, напоминая, что это лишь первые дни, в которые мы знакомимся с особенностями приюта, так что свет в конце тоннеля обязательно будет. А пока

Хочу представить новинку нашего литмоба

Валентин Денисов - "Подменный генерал для врача-попанданки"

Вторая жизнь
лекаря

Даже самая страшная правда не может оказаться сильнее
настоящих чувств

<https://litnet.com/shrt/5dlw>

Глава 13

Только что я осознала, что мужчины в приюте не только для охраны. Здесь творятся вещи, от которых волосы на голове поднимаются по стойке смирно.

В спальню к капитану?

- Пошла, - толкает меня в плечо седовласая. Я спотыкаюсь, но иду, разве у меня есть выбор?

Ноги сами делают шаги, хотя внутри всё сжимается в тугой, болезненный узел. Сегодня же сбегу отсюда, как только в мою сторону не будут смотреть. Ночью, этой же ночью, и плевать, что будет дальше.

Мы выходим из дисциплинарного корпуса, и утренний воздух кажется слишком свежим после той каменной тьмы. Щурюсь от света, потому что глаза привыкли к полумраку, и почти не слышу, что мне говорят. Только одно стучит в голове: спальня. Конечно, я была с мужчинами, но не в этом мире. Тело невинно, и не для того хранило целомудренность, чтобы какой-то мерзавец опорочил честь эрданы.

Глаза высматривают камень или что-то острое для защиты, внутри кипит ненависть, и даже холод не так страшен. Я не привыкла пользоваться скальпелем, терапевту это ни к чему, и никогда не причиняла вред человеку. Но сейчас обстоятельства диктуют условия, и мне придётся меняться. Пусть только тронет меня, и я...

- Чего застыла? – снова шпыняют в спину.

Меня провожают до помывочной. Редкие женщины то-ропливо проходят мимо, опустив головы. Вдалеке, у стены, стоят несколько стражников. Они о чём-то переговариваются, один смеётся коротко, грубо. До меня долетают обрывки слов, смысла не улавливаю, но одно понятно: они здесь не только ради охраны.

В помывочной меня оставляют с другой женщиной – коренастой и пышнотелой с приятным лицом, и дают задание отвести после в домик капитана, и та спокойно кивает.

Её тёмные волосы собраны в тугий узел, лицо усталое, но взгляд живой.

- Иди за мной, - не командует, а просит, и я колеблюсь всего на секунду, а потом отправляюсь следом. Оказываемся в узкой комнате с вёдрами и тряпками, старыми тазами и щётками.

Женщина быстро оглядывается, будто проверяет, нет ли кого поблизости, а потом запирает дверь и достаёт из кармана свёрток.

- Только быстрее, - просит меня, откидывая тряпицу и протягивая хлеб и кусок сыра.

СЫР? Я не сплю?

В этом ужасном месте она кажется каким-то чудом, словно априори не может быть здесь чего-то доброго. Что происходит?

- Каждая из нас была на твоём месте, - говорит, вкладыва-

вая в ладонь пищу. – Первые дни самые ужасные, и, если рядом не окажется друга, каждый может сломаться. Я видела тебя вчера, знала, что утром приведут сюда, что еды так и не дадут. Я знаю это, как каждая, кто вынуждена здесь жить. У нас отняли всё: любовь, честь, право на свободу выбора и слова, право на материнство. Единственное, что осталось – возможность оставаться человеком, и я не готова отдать ещё и её. Ты ты должна быть сильной, моя девочка, - её голос звучит ласково и по-матерински. - Ешь, - напоминает, что в моей руке еда, и я откусываю мягкий свежеиспечённый хлеб, понимая, что такое не дают простым неугодникам. Что если она меня проверяет?

Замираю с откусенным куском, когда хлопает дверь.

- 956, - зовёт кто-то, и она прикладывает палец к своим губам, призывая мне молчать.

- Иду! - отвечает громче. – Вернусь через две минуты, - шёпотом, и тут же испаряется.

Дверь закрывается, я остаюсь одна с непредвиденным угощением и мыслями: как давно она тут? Если мой номер 100 113, но для удобства убирают первые три цифры, а её 956, получается, что она 99 956. Пытаюсь высчитать, сколько между нами человек, и прихожу в ужас.

157!

156 неугодниц и годы проживания здесь.

Неподалёку звучат голоса, а я быстро жую, стараясь успеть к моменту её возвращения. Ем без манер, которые привива-

ют местным знатым дамам, без пауз, забыв обо всём.

Хлеб мягкий, тёплый, с хрустящей корочкой, будто только из печи. Он буквально тает во рту, и я на секунду закрываю глаза, наслаждаясь коротким мгновением счастья. Думала ли я, что в моей жизни будет что-то подобное? Никогда. Но теперь рада и краюхе.

Сыр солёный, плотный, настоящий. Не та дрянь, что выдают здесь, и я быстро съедаю всё до крошки. Собираю с ладони остатки, чтобы не оставить ни грамма. И только сейчас в голове всплывает мысль: а если еда отравлена?

Замираю, прислушиваясь к себе. Сердце бьётся чуть быстрее обычного, желудок не так сильно ноет, получив порцию пищи, в жар не бросает и не тошнит. Пока всё в норме.

Дверь открывается, и я резко выпрямляюсь. 956 окидывает меня взглядом, убеждаясь, что всё съела, и зовёт:

- Пошли.

На этот раз ведёт меня уже вглубь помывочной, где я была вчера. Плеск воды подсказывает о том, что я тут не одна. Здоровуюсь, но на меня косится какая-то неугодица.

- Здесь не принято, - напоминает 956, и мы входим внутрь.

Наверное, женщины работают здесь сменами, потому что вчера были совсем другие.

- У тебя двадцать минут до прихода благонравных.

Поскольку смотрю на неё непонимающе, она продолжает, помогая растёгивать мне платье.

- Те, кто живут в третьем доме. Они моются отдельно, как

раз сегодня. Воду я нагрела, сейчас тебя ототрём и уходи, чтобы не попадаться им на глаза.

956 приносит ведро с тёплой водой, помогая мне хорошенько промыть волосы. На них уходит много воды, но она не скупится, рассказывая мне о самых опасных женщинах приюта среди неугодниц, и я начинаю ей доверять.

- Ничего-ничего, - внимательно высматривает остатки рыбы в моих волосах, - однажды это закончится. Для кого-то уходом в Великий круг, для кого-то крахом приюта, но я уверена, что всё изменится. Одна из нас видела это.

- Видела?

956 в который раз смывает пену с моих волос, а затем протягивает шумку.

- Иногда у неё случаются видения, но она не может их контролировать. Только об этом не стоит рассказывать всем.

- Но вы же мне говорите.

Она горько кивает.

- Нам осталось только надеяться, больше ничего.

Хотите узнать, как дела у других попаданок-лекарей - заглядывайте к

Наталье Шевцовой в книгу

"Лекарка и Статский советник, или Что бы ты делал без бабы Вари"

HATAAN

Вместо пенициллина - мох, вместо наркоза - самогон, вместо истерики - стальные нервы и железная хватка. Попаданка-хирург в теле нежной княжны научит всех мыть руки!

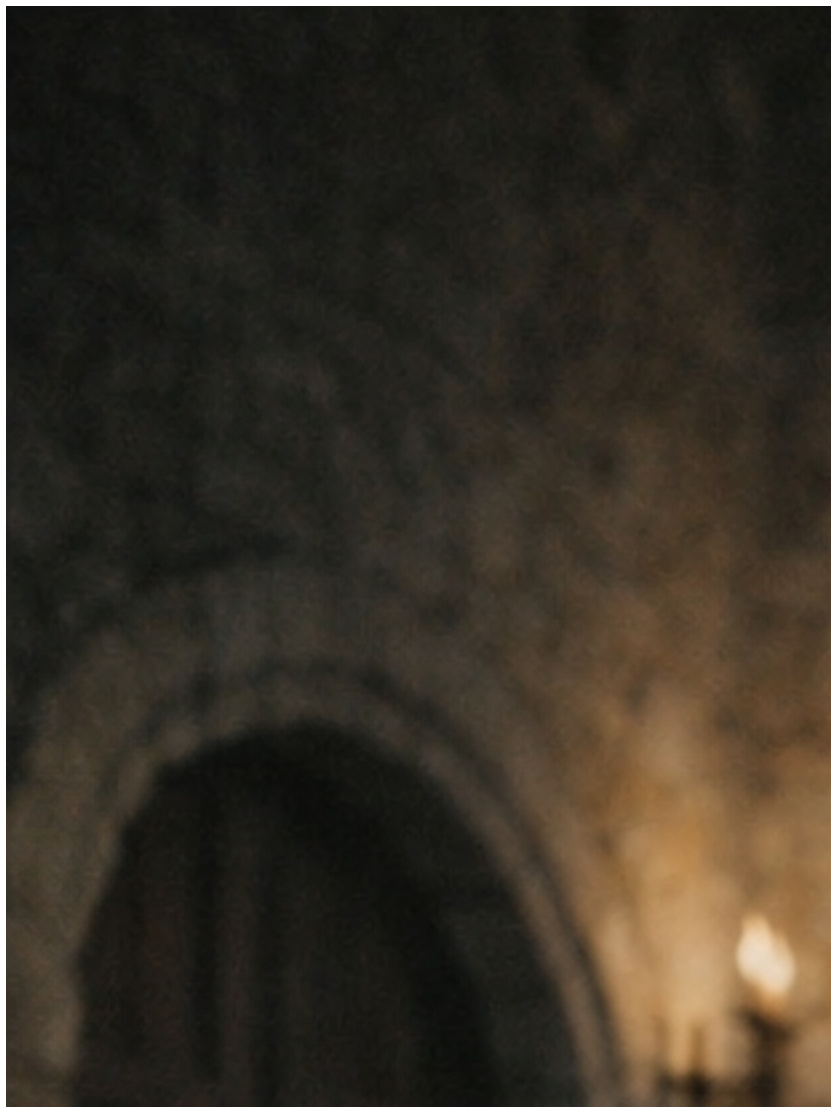
ЧИТАТЬ ДАЛЕЕ

<https://litnet.com/shrt/zmba>

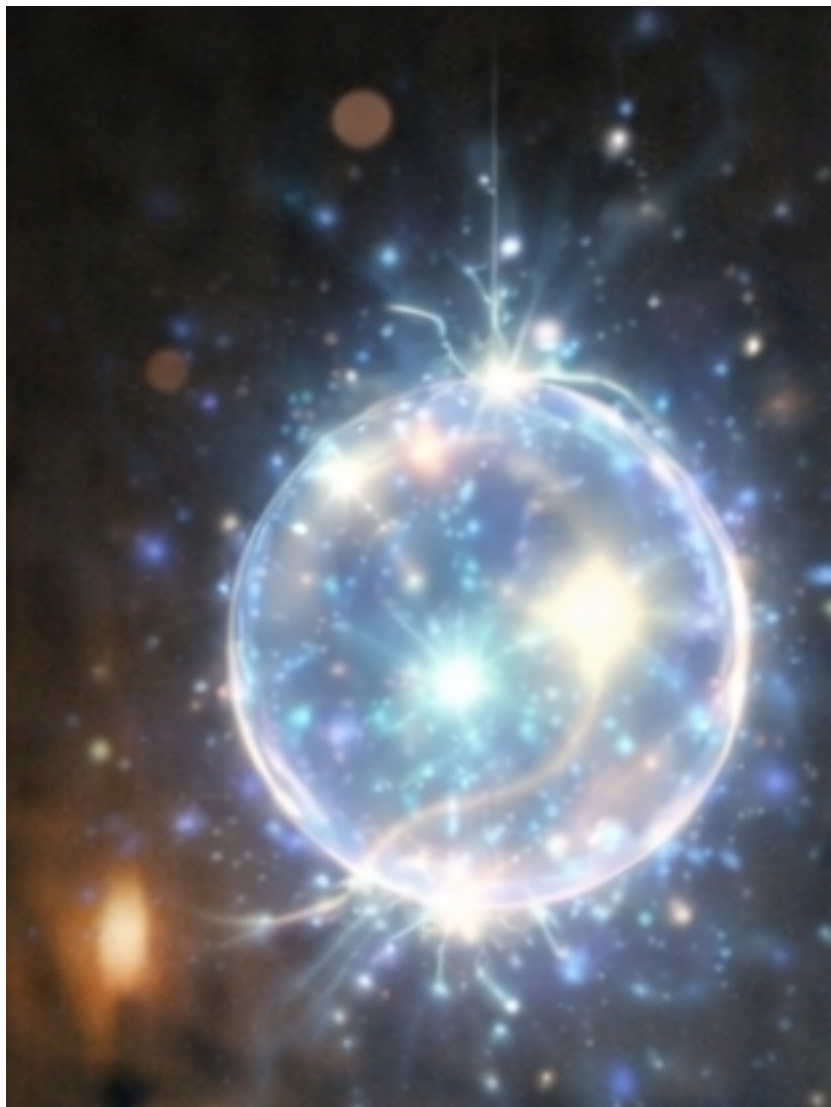
Визуалы работниц "Дома послушания"

А вот так выглядят надсмотрщицы приюта.

Перед вами Лана Веридия Краст - правая рука начальницы приюта

А это Лана Хермана Уи, нагайна, ведущая учёт в приюте

Совсем скоро в истории появится герой с тайной. Тем, кто любит интригу до конца, советую просто подождать и продолжать читать именно эту книгу. Всё обязательно откроется, но ближе к концу. Тем, кому нравится знать с самого начала, что происходит наверняка, - советую другую свою историю, потому что персонаж придёт именно оттуда с определённой целью.

Так что выбирайте сами, в каком вы лагере)))

Книга скоро завершится. Приятного чтения

ПОПАДАНКА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

НА ПО ДОГОВОРУ. НАСЛЕДНИК ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

Из-за вражды кланов появляется разлом. Мариуса подозревают в смерти брата Анники, отец погибает следом. Анника должна стать женой врага, чтобы родить наследника, который спасёт империю.

Противостояние, ненависть, любовь и очень много тайн...

Но так ли виноват Мариус, как желает всем показать?

<https://litnet.com/shrt/Ewhg>

Глава 14

- Можешь рассказать про капитана? - тихо спрашиваю 956, чтобы понимать, к чему готовиться.

- Он, - женщина подбирает слова, - не самый худший вариант. Если понравишься - ждут послабления: еда лучше, барак другой, прогулки, вещи. И тут палка о двух концах, потому что парочка Благонравных отгоняют от него любую, кто посмеет прийти больше одного раза в его комнату. Так что решай сама, что для тебя важнее. Только уж сильно придётся стараться, он слишком быстро теряет интерес к женщинам, а если обозлится, то станет придирааться за любую мелочь. Любит покорных, тех, кто не спорит. Кто не смотрит в глаза слишком долго, кто не пытается быть смелее, чем есть. Потому лучше не провоцируй, не дерзи, не пытайся ударить или сбежать прямо там.

956 словно озвучивает мои мысли, и в который раз кажется, что в приюте умеют забираться в голову.

- Здесь не побеждают сразу, 113, - добавляет она. - Здесь выживают по кусочкам. И ещё...

Позади раздаётся шум, и 956 подскакивает, спеша встретить пришедших. А я быстро смываю пену и вытираюсь выданным полотенцем. Но только берусь за платье, оставленное для меня, как одна за одной входят женщины.

Первую узнаю сразу по описанию, которое дала 956, по-

тому что на её лице уродливый шрам от уха до уголка губы. Это 943, Тень башни – придворная магичка, обвинённая в покушении на мужа-лорда. Холодная и расчётливая, которая знает много имперских тайн. Ходят слуги, что магия у неё осталась, и надсмотрщицы закрывают на это глаза.

Вторая – крупная, с сильными руками и волевым взглядом, скорее всего, 23 – Кровавая Мирель, бывшая жена генерала, которая однажды убила трёх солдат. Многие в приюте боятся смотреть в её сторону, потому что она умеет отстаивать свои позиции. Чуть ли не единственная, кто не склоняет головы перед Мадроной.

И третья – черноволосая, красивая, почти не заметная, прозванная Змеёй и имеющая номер 34. Была любовницей высокопоставленного чиновника. Её обвинили в отравлении пяти человек, и улыбка, что слишком обезоруживает, подсказывает мне, что так оно и было.

Такое чувство, что все неугодницы - преступницы, только это мужья придумывают им страшные легенды, чтобы закрыть здесь с чистой совестью. Любопытно, что придумал мой муж? Я пыталась его отравить или убила кого-то?

Женщины не просто входят, а занимают собой пространство, с интересом глядя в мою сторону, будто пытаются запомнить каждую родинку на моём теле. Воздух в тесной помывочной становится тяжелее, а я, пытаясь не выдать волнения, натягиваю на себя платье. Стоять под тройкой хищных взглядов такое себе удовольствие.

Тень внимательно оценивает моё лицо, задерживается на глазах, потом ниже на шее, ключицах, словно что-то проверяет. В её взгляде нет ни любопытства, ни злобы, только холодный расчёт.

- Новенькая, - констатирует она.

- Вчера прибыла, - отзывается Змея. – Номер?

- Сто тринадцатая, - тихо отзываюсь, откидывая волосы назад и поправляя жетон, а затем перехожу к поясу.

- А имя было?

- Было, - отвечаю. - Теперь нет.

- Умная, - усмехается генералыша.

- Откуда? - задаёт следующий вопрос 943.

- Из столицы.

- Муж?

Раздумываю, как быстрее уйти с допроса и не завести себе врагов.

- Из Совета, - произношу тихо.

- Интересно, - Змея сверлит меня взглядом. – Можно конкретнее? Как его имя? Мы здесь уже долго, соскучились по сплетням, удовлетвори любопытство.

- Элдрик Ваэль, - не думаю, что это закрытая информация. Они всё равно её узнают от кого другого, а вот не ответь я сейчас, может быть конфликт. А мне совершенно не хочется ни с кем воевать.

Змея медленно моргает, пытаясь припомнить, знает ли это имя.

- Хранитель пророчеств, - подсказывает ей Тень. – Не последний человек в империи. И чем же ты ему не угодила?

- Существованием, - отвечаю, надеясь уйти, но проход закрыт их телами.

- Магия?

- Забрали.

- Жаль, - цокает языком Змея.

- Могу я пройти, пожалуйста, - озвучиваю им своё желание.

- Да, конечно, - она отступает вбок, освобождая проход, но как только делаю шаг, останавливает меня репликой.

- Хочу дать тебе совет, дорогая. Все мы знаем, что капитан любит блондинок, а значит в ближайшее время захочет познакомиться с тобой поближе. Ты молода, красива, - говорит задумчиво, - и не хотелось бы портить такое лицо шрамом.

Тень бросает в сторону черноволосой презрительный взгляд.

- Прости, 943, не хотела тебя задеть, - тут же поправляет себя она. – Просто говорим по душам с новенькой, так вот, - снова ко мне, - всё, что ты должна знать – капитан мой, ясно? Ты не должна ему понравиться, это чревато. Поэтому сделай так, чтобы он никогда не смотрел в твою сторону. Или, - она делает очень долгую паузу, - или я сделаю так, что на тебя вообще никто смотреть не будет. Желаю не вляпаться в рыбу, - язвит напоследок, и раздаются смешки её товарок.

Точка в разговоре поставлена, и я выхожу скорее на воз-

дух, где стоит 956. Она окидывает меня взглядом, будто пытается оценить степень сохранности, а потом велит идти за ней. Только через пять шагов сердце замирает, падает вниз и подскакивает вверх, потому что до ушей добирается душе-раздирающий крик.

Хочу представить новинку нашего литмоба

Марго Арнелл - Проданная дракону. Лекарка для варвара

Я оказалась в теле женщины, преданной собственным мужем и проданной варвару-дракону. Удастся ли мне исцелить его душу и получить свободу?

<https://litnet.com/shrt/WkhA>

Глава 15

Крик добирается до ушей, проникает в сознание и заставляет сердце метаться по грудной клетке. Оборачиваюсь, различая в нескольких шагах у стены стражника с тонким хлыстом в руках и молодую девочку, совсем ребёнка. Резкий свист, рвущий воздух, и удар.

Бедняжка вскрикивает, тело дёргается, будто её обожгли. Платье на спине тут же темнеет, прилипает к коже. Ещё удар, и я срываюсь с места, не в силах смотреть на этот беспредел.

- Хватит! - вылетает у меня и встаю между ними, закрывая девочку собой. Она тут же вжимается в мою спину, цепляется пальцами, дрожит так, что это передаётся мне.

Хлыст замирает в воздухе, а на меня смотрят изумлённые глаза стражника, который явно не ожидал такого поведения от кого-то со стороны. Он скользит взглядом на табличку на моей груди, губы шевелятся, видимо, запоминает номер.

- Уйди! - приказывает.

- Нет, - качаю головой, ощущая, как колотят нервы. – Она ребёнок.

Страж оглядывается, словно ждёт подмогу. Тоже мне мужчина: стоит против безоружной женщины с хлыстом. Грош цена такому!

Свист, и даже не успеваю понять, как удар приходится по моему плечу. Невольно хватаюсь за ушибленное место, но

продолжаю стоять.

- Ушла! - снова приказ.

- Не трогай ребёнка, - смотрю на него, вложив во взгляд всю ненависть, что испытываю к нему.

И снова боль - острая, горячая, но я не отступаю. Не знаю, чем всё закончится, но не могла я просто уйти, не могла, пусть и те, кто сейчас смотрят в мою сторону, считают меня полной идиоткой. Стражник приходит в бешенство. Наверное, он не встречал прежде такого отпора. Но следующий удар не обрушивается на мою голову, потому что вижу, как сюда спешит Веридия. Эта не преминет выдать мне наказание за непослушание.

- Что происходит? - задаёт вопрос, как только оказывается рядом, и страж ябедничает, да, именно так, иначе и назвать не могу.

Краст бросает в мою сторону взгляд, словно она не удивлена, и на мгновение задумывается о наказании. Вижу, как из помывочной показалась троица, с интересом ожидая, чем для меня закончится этот спектакль. Но Веридия не успевает определиться, как приходит двор в движение. Страж вытягивает струной, чуть повернув голову в сторону, и только сейчас замечаю, что по дороге, ведущей от центрального входа, идёт какой-то блондин, одетый в похожую со стражем форму, если не считать зелёной перевязи через плечо, а рядом с ним черноволосый симпатичный мужчина, только боюсь его внешность здесь не имеет никакого значения, если

сердце черство.

Черноволосый что-то увлечённо рассказывает, то и дело указывая на здание, а блондин, заложив руки за спину, смотрит вокруг из-под нахмуренных бровей, будто изучая и запоминая. И что-то мне подсказывает, что один из них тот самый Цапс, к которому меня вели на заклание. Пусть будет черноволосый, он хотя бы выглядит доброжелательным.

Дорожка расслаивается на три полосы, одна из которых ведёт к главным башням, вторая уводит в камеры тишины, а третья – к нам.

- Капитан Юккас, - обращает на себя его внимание Краст, и блондин не сразу реагирует, лишь когда его в бок толкает черноволосый, что-то нашёптывая, и затем они направляют-ся в нашу сторону.

Веридия требует от стража пересказ снова, а я ловлю испуганный взгляд 956, что продолжает стоять неподалёку, качая головой. За спиной уже не ощущаю девочку и, на мгновение обернувшись, понимаю, что она исчезла. Не лучшая из благодарностей, конечно, но может хотя бы про неё забудут.

- Какие предложения, капитан? – вновь звучит голос Краст.

- Касательно чего? – хмурит брови блондин, и меня постигает разочарование. Всё же тот, от кого сразу мурашки по коже из-за тяжёлого взгляда, и оказался Цапсом.

- Её, конечно же, - тычет в мою сторону правая рука хозяйки приюта.

- Новенькая? - интересуется второй.

- Прибыла вчера.

- Ограничьтесь выговором, она ещё только учится всему.

Кажется, эти слова Веридия слышать не желает, а потому парирует.

- При всём уважении к вам, лейтенант, вы слишком, - она подбирает слово, - мягкий.

- Поверьте, лана, в нужные моменты я очень даже твёрдый, - отпускает он шутку, от которой у Краст вспыхивают щёки, и она возмущённо поджимает губы.

- Капитан Цапс, - решает не реагировать на черноволосого, который уже мне определённо начинает импонировать, хотя бы потому что не строит из себя засранца. – Что позволяют себе ваши подчинённые?

- Полагаю, лейтенант Андроз имел ввиду твёрдую руку при борьбе с врагами, которая не дрогнет, дабы защитить других.

- Именно так, дорогая лана Краст, а вы о чём подумали? – смотрит на неё и совершенно не улыбается, хотя всем понятно, что он издевается над ней.

- Наказание? – требует Веридия ответа от Цапса, решая сменить тему, и когда мне уже кажется, что я могу ограничиться чем-то несерьёзным, доносится голос.

- Показательная порка!

Перевожу взгляд на Змею, которая успела подобраться незаметно ближе. Не зря у неё подобное прозвище. А теперь

она оказывается - генератор идей.

- Чудесно, 34, - хвалит её за сообразительность Краст. – Я приведу барачных, а вы отправляйтесь на площадь, - обращается она к Цапу. – И я бы хотела, чтобы наказанием занялись вы, капитан.

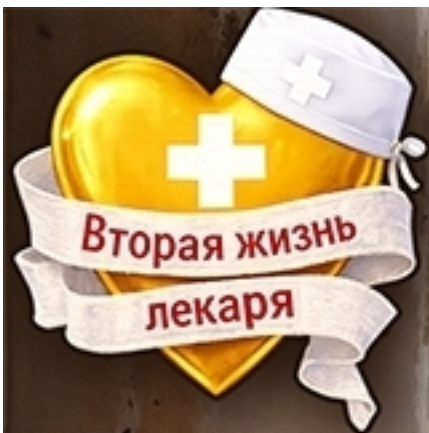
Лейтенант обхватывает Юккаса за плечи, немного встряхивая.

- Конечно, лана, всё будет исполнено, - обещает черноволосый, и страж хватает меня за локоть, утаскивая за собой, а Змея тормозит капитана, мило ему улыбаясь, и чем всё закончится у них я не в курсе, а для меня всё слишком неприглядно. Потому что, как только на площади собирается около пятидесяти женщин, меня привязывают к столбу лицом вперёд, перехватывая запястья верёвками, и на мою спину опускается удар от будущего любовника.

Это было моё первое знакомство с капитаном.

Интересная история про доктора-попаданку от *Иланы Васьиной*

Последняя лекарка Владыки драконов

Когда-то он спас меня из рук палача. Теперь я - его последний шанс выжить.

<https://litnet.com/shrt/zhZm>

Глава 16

Первый удар обрушивается неожиданно. Успеваю только вдохнуть, и в следующую секунду спина вспыхивает огнём. Воздух вырывается из лёгких, пальцы сами сжимаются в кулаки, верёвки впиваются в запястья. Но второго удара не следует.

- Отвяжите её, - командует Цап.

- Это всё? - тут же взвизгивает Веридия. - Это наказание? Один удар? Вы издеваетесь?

- Желаете поучить меня, как следует поддерживать дисциплину в приюте? – его голос ледяной.

- Капитан продолжит наказание в своей комнате, - вмешивается лейтенант, - и там уж, будьте уверены, неугодница пожалеет, что вступилась за другую.

- Развязать! – снова голос Цапа, и Веридия прищуривает глаза, смотря на него с подозрением.

- Могу полюбопытствовать, что вас настолько задержало в пути? – продолжает диалог, пока страж режет верёвку на моих руках.

- Государственные дела, лана. Хотите, чтобы я обсуждал с вами то, что было на Великом Совете?

- Нет, - прикусывает губу.

- Тогда не суйте нос, куда не следует, это понятно?

Между их взглядами летают молнии. Даже не могла пред-

положить, что Краст люто ненавидит капитана, а он её. Но сцена, которая разыгралась сейчас, говорит о многом, как и многозначительный взгляд Змеи, что пытается вложить в мимику лица напоминание о словах, сказанных мне в помывочной.

- А теперь, с вашего позволения, отправлюсь к себе, - Цапс сходит с помоста.

- Как изволите, - нехотя отзывается Веридия. – А ты чего стоишь? – набрасывается с претензией на стража. – Олух. Где вторая девчонка? Живо найти!

Мы идём втроём: впереди капитан и лейтенант, позади я. То и дело один или другой оглядываются, словно боятся, что сбегу, но как только сокращаю расстояние, их шаг ускоряется. Не сбегу. Да и куда мне деться с подводной лодки?

Слышу, как переговариваются вполголоса, но слов разобрать не в состоянии, они держатся от меня метрах в шести, а я натываюсь взглядом на камень, лежащий неподалёку: небольшой, острый с зазубренным краем.

Делаю вид, что спотыкаюсь, и в следующий миг он уже в моей ладони, спрятан в складках платья.

Сердце бьётся так громко, что кажется - они должны услышать. Что ж, для капитана у меня не очень приятный сюрприз.

Когда останавливаемся у небольшого дома, стоящего в стороне от остальных построек, лейтенант что-то шепчет своему начальнику и отбывает, а я вхожу в каменный двух-

этажный дом с узкими окнами и тяжёлой дверью.

Первое, что ощущаю - тепло. После улицы оно кажется почти чужим, но невероятно приятным, что стою, боясь пошевелиться и разорвать это чувство.

Внутри просторно. Тёмное дерево, тяжёлая мебель, стол у окна, на котором разбросаны бумаги и карты. Тут же стеклянный шкаф с книгами, только мне кажется, они больше здесь для украшения, чем для использования.

Слышу, как защёлкивается замок, словно мы в клетке, из которой трудно выбраться. Ну вот мы и одни.

Сжимаю камень крепче в правой руке, поворачиваясь лицом к врагу.

Пусть мы и знакомы всего-ничего, но я его уже ненавижу. За то, что слышала о нём, за то, как он поступил со мной, хотя до сих пор не могу понять, почему он так быстро остановился.

Цапс смотрит оценивающе и отчего-то хмурится. Делает шаг, и я остаюсь на месте, готовая в любой момент защитить себя, а потом начинает расстёгивать пуговицы.

- Ты можешь, - произносит, но я не даю ему сказать, делаю выпад первой, выбрасывая вперёд руку с самодельным орудием, и черчу воздух в районе его лица, пытаюсь задеть. Реакция у него что надо, он отшатывается, но этого недостаточно, я всё же достаю до кожи, чувствуя, как острый каменный край режет плоть, и Юккас хватается за щёку, пытаюсь закрыть рану.

Отступаю на шаг, сжимая камень крепче, направляя его на него, как единственное оружие, что у меня есть.

- Только попробуй приблизиться, - выдыхаю, голос хриплый, но твёрдый, хотя сама дрожу от нервов.

Кровь тут же покрывает его пальцы, и он смотрит на меня, будто размышляет, что следует сделать. Оглядывается и спешит к столу, вытягивая первый ящик. Одной рукой пытается что-то разыскать, тут же с силой толкает его обратно, открывает второй. Третий заперт, а я смотрю на капли, что то тут, то там оседают на деревянном полу.

Бросаю взгляд на окровавленный камень, он всё ещё в моей руке, потом на капитана, который уже куда-то исчез. Оглядываюсь, боясь, что он стоит за спиной, когда раздаётся стук в дверь.

- Юккас, это я, - голос брюнета, - открой, я кое-что забыл.

Капитан явно не слышит, потому что его нет в комнате, но слышу звук каблуков где-то за стеной, наверное, пошёл бинтовать лицо, а тем временем стук усиливается.

- Цапс, открой, или я вышибу дверь. Считаю до трёх. Раз. Камень всё ещё в руке, а я не знаю, что делать.

- Два, - считают за дверью, и я спешу открыть, потому что лейтенант может привлечь к нам ненужное внимание.

На три дверь распахивается, и он изумлённо смотрит на меня.

- Где капитан? – проходит внутрь, и взгляд у него удивлённый. – Цапс, - уже кричит, то и дело бросая взгляды в мою

сторону, а потом натывается на кровь. – Что это? – округляет глаза, когда показывается Юккас, который всё ещё держится за щёку.

- Случайно порезался, помоги мне, - зачем-то выгораживает человека, что причинил ему вред, не смотря в мою сторону, и лейтенант толкает дверь, которая закрывается со стуком, и торопится увести капитана в соседнюю комнату, приказывая мне никуда не двигаться.

Несколько раз подхожу к двери, приоткрываю её, чтобы сбежать, но каждый раз останавливаюсь.

Почему он меня выгораживает?

Всё же решаю остаться и принимаюсь замывать капли крови, найденной тряпкой, которую удаётся смочить под ручкомойником. А когда поднимаю голову, в паре шагов лейтенант и капитан. Я готова была увидеть всё, что угодно, только не то, как теперь выглядел Юккас Цапс.

Ещё одна книга про лекаря-попаданку

Катрин Алисина - Лекарка для чудовища

Слепой генерал не верит в исцеление? Попаданка это исправит!

<https://litnet.com/shrt/w5Ro>

Глава 17

Молчание затягивается, потому что я впервые вижу, чтобы регенерация проходила настолько быстро. Да, за эти два года, что живу здесь, познакомилась с особенностями драконов, но, чтобы порез, из которого лилась кровь, так быстро зажил...

Щека капитана чистая. Гладкая кожа, будто камень никогда её не касался. Словно всё это мне просто показалось.

Машинально перевожу взгляд на пол, туда, где только что стирала кровь. Смотрю на тряпку в своих руках. Красные разводы никуда не исчезли. Значит, не сон. Тогда что это?

Юккас смотрит в мою сторону спокойно, будто ничего не случилось. Только взгляд стал другим: глубже, тяжелее. Уверена, за такое ждёт наказание. Я не просто отказалась что-либо делать, я напала на начальника стражи! А уж это должно караться куда больше, чем нежелание есть рыбную похлёбку.

- Всё, что произошло в этой комнате, - произносит Цапс ровно, - останется здесь.

За минуту я удивляюсь второй раз. Он не отправит меня в Дисциплинарный корпус?

- Иначе заплатишься за свой язык, - сурово добавляет лейтенант, скрестив руки на груди и глядя на меня без тени улыбки. – Это понятно?

Быстро киваю, вдруг они передумают.

Тяжёлый шаг брюнета и протянутая рука.

- Нож, - требует он, смотря на меня сверху вниз.

- Нет ножа.

Брови взлетают вверх, но я понимаю, о чём он. Вкладываю в его ладонь острый камень, и Ардоз фыркает, а потом бросает капитану, и тот ловит его одной рукой, внимательно осматривая.

- Полюбуйся. Они делают оружие из чего угодно! – усмеяется лейтенант. – А теперь с тобой, - поворачивается снова. - Убери здесь всё, и, если только повторишь попытку, - режет воздух рядом со своей шеей. – Это понятно?

Снова киваю.

- Когда прибыла? – задаёт вопрос.

- Вчера.

Он смотрит на мой номер, словно проверяя сказанное.

- Здесь любят покорность, 113. И благодарность за благоклонность. Так что, мой тебе совет, будь тише воды, ниже травы. Скажут ешь – ешь, прикажут работать – работай, отправят копать могилу – иди молча. Ты всё же будешь её копать, только лучше для кого-то другого, а не для себя. Нравится? – оборачивается к Цапсу, кивая в мою сторону.

Юккас моргает и молчит.

- Капитан, - делает нажим на слове Ардоз, - напоминаю, что вы можете воспользоваться услугами любой неугодицы, если пожелаете. Если не по вкусу, могу прислать другую, а

строптивную объезжу сам, - он отчего-то заходится смехом, будто это невероятно смешно.

Сжимаю зубы, буравлю взглядом Юккаса, но молчу, ненавидя всем сердцем тех, кто поддерживает беззаконие.

- Куда её отправят сейчас? – интересуется капитан, а я удивлена, он сам не в курсе?

- Тебя распределили на работу? – снова задаёт мне вопрос лейтенант, и я качаю головой.

- Значит, работать. Так, через полчаса обед, времени не так много. Я вернусь, а вы тут, - делает какие-то странные знаки руками, отправляясь на выход. – Учти, 113, сделаешь что-то капитану, дам тебе лопату сама знаешь для чего.

И после этих слов он уходит.

Кошусь в сторону Цапса. Он добирается до ведра, и тут же до ушей доносится звон. Камень отправлен в мусор, а Юккас о чём-то думает.

- Я не трону тебя, - наконец, произносит. – Можешь заканчивать и уходить, или остаться, решай сама. Как спина?

- Хотите добавить? – огрызаюсь, вспоминая, как он опустил на меня плеть. Ничем не лучше других. Но тем не менее всё же какой-то иной, надо с ним быть осторожнее. Он хитёр, это видно, и, возможно, попытается меня обмануть своим послаблением.

- Как тебя зовут? – делает вид, что не слышал вопроса.

- 113.

Только кажется, он не этого ответа ждал.

- Кто твой муж?

- Разве это имеет значение? – грустно спрашиваю.

- И всё же?

- Элдрик Ваэль, думаю, вы знакомы.

- Отчего такая уверенность?

- Все злые люди друг другу братья, - поднимаюсь с пола, отправляясь к рукомойнику. Промываю тряпку и вешаю её на маленький выступ внизу,

Он наблюдает. Чувствую это спиной, даже не оборачиваясь. Взгляд тяжёлый и внимательный, будто он пытается разобрать меня по частям, чтобы понять, кто я такая.

- Почему ты здесь? - наконец спрашивает он.

- Разве нужна причина? - отвечаю тем же тоном, оборачиваясь

- Всегда.

- Тогда выберите любую, - пожимаю плечами. - Я пыталась убить мужа, украла казну, сожгла храм, отравила половину двора. Здесь ведь у всех красивые истории.

- Ты не похожа на тех, кто сжигает храмы, - говорит он, а я всё не могу взять в толк случай с лицом.

- Почему у вас нет шрама? – всё же спрашиваю.

- Разве нужна причина? - возвращает он мои же слова. – Тебе стоит прислушаться к советам Ардоза, - голос становится холоднее. - Есть вещи, о которых лучше не знать, если хочешь дожить до завтра.

Теперь по комнате летает угроза, и я невольно сглатываю,

а в дверь кто-то стучит.

- Быстро в кровать, - приказывает он мне, принимаясь раздеваться.

- Что?

- Живей! – снова повторяет приказ, скидывая дублет на пол, а за ним и рубашку, и вот я вижу обнажённый мужской торс, на мгновение забывая, что должна делать.

Широкие плечи, напряжённые мышцы, под кожей перекатывается сила, к которой он привык и которой не кичится. Грудь...

Щелчок, чтобы вырвать меня из задумчивости, и я бросаюсь в кровать, откидываю покрывало и юркаю под одеяло, а Цапс открывает дверь.

Знакомлю вас с предпоследней историей литмоба "Вторая жинзь лекаря"

Ольга Ли - Разведённая лекарка. Дракону нужна!

Вторая жизнь
лекаря

Разведусь с подонком и пойду лекаркой в гарнизон дракона! Бывший муж на пороге попаданки, а дракону это... не по нраву!

<https://litnet.com/shrt/-h85>

Глава 18

Не сразу вижу, кто стоит в дверях. Слышу голос раньше, чем различаю силуэт.

- Капитан, - мягко, почти певуче тянет женщина, и внутри что-то неприятно сжимается. - Я подумала, что вам может понадобиться компания.

Это Змея. Её голос невозможно перепутать, он обволакивающий, такой же, как словесный яд, которым она брызжет.

Цапс держит дверь так, чтобы была видна лишь часть его тела, но я понимаю теперь, для чего разделся. Ему нужна легенда, что он и я занимались любовью. Непонятно только для чего.

Замираю под одеялом, почти не дышу, стараясь стать меньше, незаметнее, но знаю: она пришла, чтобы проверить.

- Я занят, - холодно отрезает Юккас, отшатываясь. Кажется, она коснулась его груди, желая показать, насколько ей интересно очутиться в его кровати.

- Вижу, - усмехается она, и в её голосе скользит яд. - Но не уверена, что тем, чем стоит.

- Смеешь указывать, что именно мне стоит делать, девка? – почти рычит он.

- Простите, капитан, - тут же меняет она манеру голоса и повадки. – Я просто хотела...

- Чтобы не смела больше мешать, это ясно?

- Ясно, - как-то задумчиво говорит она, и дверь тут же захлопывается.

Вот это преобразование за долю секунды, и я не понимаю, какой этот капитан на самом деле.

Он подходит к своей одежде, поднимает её с пола и тут же натягивает обратно, и когда рубаха оказывается на нём, вижу свежую кровь. Но я готова поклясться, что её только что здесь не было! Заправляет рубаху в штаны, затем накидывает дублет.

Цапс замечает мой взгляд и оттягивает ткань, чтобы оценить её самому. Снова начинает раздеваться, потому что кровь явно его не устраивает.

На поясе висит нож: короткий, с потёртой рукоятью, явно не для красоты. Здесь вообще ничего нет для красоты.

- Здесь нет друзей, - внезапно говорит он, не оборачиваясь. - Запомни это, когда надумаешь кому-то что-то рассказать.

Ничего не отвечаю, но понимаю: он прав.

Я всё ещё в кровати, и здесь невероятно хорошо: мягко, тепло, безопасно. Цапс в нескольких шагах занимается своими делами, а мне совершенно не хочется покидать его постель. Но только потому, что его здесь нет.

Одеяло мягче, чем всё, к чему я прикасалась за последние сутки. Матрас не проваливается, не колется соломой. Тело, уставшее, избитое, будто впервые за долгое время расслабляется само по себе. Даже спина ноет уже не так остро. Вспо-

минаю его удар, и снова голову поднимает злоба. Он плохой человек, хороший никогда бы так не поступил!

Тогда отчего ты так спокойно лежишь в его постели? – задаёт вопрос внутренний голос.

Цапс подходит к столу и принимается рассматривать какие-то бумаги. Садится на стул, теряя ко мне интерес, и внимательно читает. Шуршание страниц расслабляет, на мгновение закрываю глаза, потому что ночь всё же была бессонной и невероятно долгой, и дремлю. Сквозь сон слышу шелест, звук открываемого ящика и скрежет стула по полу. А потом голос.

- Она уже ушла? Быстро вы. Ну хоть расскажи: горячая девка?

Потом что-то невнятное, за этим приближающийся стук шагов и громкий голос над самым ухом:

- Подъём, сто тринадцатая!

Глава 19

Резко распахиваю глаза, сердце вот-вот убежит вскачь. Надо мной лейтенант, поправляющий ремень.

- Давай, на выход, - он откидывает одеяло и удивляется. – Почему она в одежде?

- Лучше скажи, где мои рубахи? – доносится до моих ушей.

- Давай-давай, - вытаскивает меня из постели Ардоз, и я обуваюсь, с грустью вспоминая, что раньше моя жизнь была совершенно другой.

Тепло тут же отступает, и холод комнаты кажется почти болезненным после того короткого покоя, что мне дали. Не смотрю ни на одного из мужчин, просто иду к двери.

- Прямо и налево, - бросает лейтенант, когда прохожу мимо. - Не заблудишься.

Снаружи воздух кажется ещё холоднее, оно и понятно. Весна только-только вступает в свои права. А здесь, такое чувство, что зима в душах людей, так что время года сменится и того позже.

Идти приходится быстро, потому что поток уже двигается в сторону столовой. Кто-то косится в мою сторону, ведь вышла я из домика капитана, и всем ясно, с какой целью его посещала. Хочется сказать, что они заблуждаются, но здесь, кажется, нет осуждения на этот счёт.

Не успеваю пройти и половины пути, как передо мной возникает фигура. Снова Змея, и, по все видимости, она меня ждала. Рядом с ней Кровавая Мирэль, зевающая в кулак.

Змея делает шаг вперёд, перекрывая дорогу, и медленно осматривает меня с головы до ног. Взгляд цепкий, внимательный, как у хищника, который проверяет, стоит ли добыча усилий. Она чуть наклоняется и, такое чувство, что принохивается к воздуху, будто пытается уловить какой-то запах.

- И что он сказал? – поднимает бровь.

- Кто?

- Не зли меня, сто тринадцатая, ты прекрасно знаешь.

- Сказал: смеешь указывать, что мне делать, девка?

Змея поджимает губы, понимая, что я пересказываю слова капитана, сказанные в её адрес.

- Такие долго не живут, - снова даёт мне совет житель приюта. - Помни: второго раза между вами быть не должно.

Она смотрит куда-то за мою спину, а потом они уходят, растворяясь в потоке чёрных платьев. А мимо проходят капитан и лейтенант, уходя куда-то налево. Трапезная для персонала располагается в другом корпусе, и кормят там, я полагаю, куда вкуснее.

В столовой на этот раз пахнет иначе. Не лучше - просто иначе. Запах рыбы всё ещё витает здесь, кажется, он впитался в стены, но вместе с ним пахнет чем-то мучным и прелым, будто муку намочили и забыли на солнце. Только после вче-

рашнего это уже почти праздник.

Мы снова становимся в колонну. Лица всё те же: потухшие, усталые, равнодушные. Никто не смотрит друг на друга, только вперёд - к раздаче, к своей порции, к своему куску выживания.

Когда доходит очередь, мне в руки суют миску. Внутри - густая серая каша с комками, местами подгоревшая. Сверху плавает тонкая плёнка жира, а внизу что-то тянется, как плохо размешанная мука. Рядом всё тот же кусок хлеба и кружка тёплой еле подкрашенной воды, которую здесь почему-то называют чаем.

Ну что ж, надо привыкать, уверена, первые дни самые тяжёлые.

Среди присутствующих различаю несколько знакомых лицо, одна из них – Офелия.

Она ест спокойно, размеренно, будто это обычный обед в нормальной жизни, а не помой, выданные за еду. Ни лишнего движения, ни эмоций. Чуть поодаль замечаю 956. Она ловит мой взгляд и едва заметно кивает.

Пытаюсь есть быстро, в темпе с остальными. Надсмотрщица на этот раз меня словно не видит, но делает замечание кому-то другому. Здесь не один за всех, а каждый сам за себя. И когда выводят очередную неугодницу, которая не пришлась по вкусу, я не вмешиваюсь.

А потом все расходятся на работу.

Последняя история нашего литмоба про врача-попаданку

Адриана Вайс - Врач-попаданка. Последняя надежда генерала драконов

Чтобы спастись от мужа-тирана, сбегу к жестокому генералу драконов, вылечить которого могу только я

ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ

[*https://litnet.com/shrt/tpcG*](https://litnet.com/shrt/tpcG)

Глава 20

Мы выходим из столовой вместе с потоком, который распадается на неравные массы, перетекая в разные корпуса. Нас закрепляют за черноволосой высокой девушкой, которая служит проводником. Дорога знакома лишь отчасти, но вскоре становится ясно, куда нас ведут.

Прачечная.

Здание ниже остальных, вытянутое, с узкими окнами, из которых валит пар. Уже у входа слышен шум воды, глухие удары, шорох ткани и чей-то приглушённый кашель.

Дверь распахивается, и в лицо ударяет влажный жар. Внутри совсем другой мир: тяжёлый, мокрый, душный.

Ряды деревянных корыт, наполненных мутной водой. Женщины стоят по локоть в пене, склонившись над тканями, трут, полощут, выжимают. Руки красные, распухшие, у некоторых кожа уже треснула до крови, хотя удивительно, что здесь не используют бытовые артефакты, словно неугодуницы настолько наказаны, что их участь нельзя облегчать.

В углу - котлы с кипятком, откуда поднимается густой пар. Запах мыла, грязи и пота смешивается в один сплошной ком, который, кажется, закатывает в себя и тебя саму.

- Новенькие? – интересуется женщина в сером, и, не дожидаясь ответа, продолжает. - Работать будете здесь до вечера.

Офелия кивает, я тоже. Нас подводят к свободному корыту.

- Быстро учитесь, - добавляет она и уходит, а я удивлена, что нас даже не спросили о том, в чём мы можем быть более полезными.

- Все начинают с прачечной, - успевает шепнуть Офелия. Ну теперь хотя бы ясно.

- А почему здесь не используют артефакты? – успеваю спросить.

- Это дорого, и к тому же, неугодницы должны понимать, как тяжело доставался хлеб, которым их кормили мужья.

- Разговоры! – прикрикивают на нас, и Офелия замолкает до самого вечера.

Руки быстро привыкают к однообразным движениям, но кожа - нет. К концу дня пальцы саднят, будто их ободрали до мяса, плечи ноют, спина гудит от постоянного наклона. Пар въедается в волосы, в кожу, в мысли. И когда нас наконец выпускают, кажется, что я сама стала частью этой грязной воды.

Ночь проходит быстрее, чем первая. Я засыпаю почти сразу, едва касаясь жёсткого матраса, и мне совершенно ничего не снится.

На следующий день нас распределяют иначе.

- Вы двое, - кивает надсмотрщица в нашу сторону, - на кухню.

Кухня оказывается не лучше прачечной, просто иная. Там

жар не влажный, а сухой, тяжёлый. Огромные котлы, запах варева, гарь, жир, крики. Здесь не стирают - здесь рубят, чистят, носят.

Мне вручают нож и мешок с корнеплодами.

- Чистить. Быстро.

Сажусь на низкую скамью, беру первый овощ. Нож тупой, кожа плотная. Руки после вчерашнего плохо слушаются, но выбора нет. Рядом молча и сосредоточенно работает Офелия. Время от времени бросает на меня короткие взгляды, будто ей что-то не нравится.

- Не режь глубоко, - тихо говорит, не поднимая головы. - Снимай только кожуру, иначе заставят есть отходы.

Прислушиваюсь к совету, принимаясь делать, как следует.

День тянется медленно. Я привыкаю к ритму: чистить, складывать, снова чистить. Иногда приходится таскать ведра, иногда - мешать в котлах длинными деревянными лопатами. К ужину руки уже не чувствуют боли, только тяжесть. И ночью снова сплю без задних ног.

Наутро привозят новую девушку. Отчётливо помню, как несколько дней назад я скользила взглядом по постройкам, не зная, что меня ждёт впереди. Я здесь всего четвёртый день, а такое чувство, что год прошёл, и я поняла порядки ужасного места.

Девушка заплакана. То ли переживает, что муж её предал, то ли оплакивает свою судьбу. Как бы то ни было, помочь я ей могу лишь советом, и, если будет такая возможность,

помогу.

У барака меня вылавливает страж, и я с грустью смотрю, как остальные идут в столовую. Конечно, еда там отвратительная, но лучше такая, чем никакой.

- Я ничего не сделала, - возмущаюсь, и он смотрит на меня так грозно, что становится не по себе. В конечном итоге приводит меня к домику капитана. Неужели, нельзя сразу сказать, что от меня требуется? Язык бы отсох что ли?

Прислушиваюсь к себе: нет паники, испуга или отвращения, только настороженность и любопытство.

Страж тут же уходит, не дожидаясь, когда войду внутрь. Хотя куда мне бежать? Всё равно разыщут и накажут за непослушание.

- Входи, - доносится бархатный голос, когда стучусь в дверь.

Перепад температуры на улице и в доме замечен, и, как только переступаю порог, меня накрывает теплом, а в нос ударяют одуряющие пряные запахи, отчего неволь сглатываю слюну.

Замечаю на столе тарелку, на которой лежит мясо, хлеб и что-то вроде тушёных овощей, но стараюсь не пялиться.

- Вы звали, - оповещаю Цапса

- Да, войди и закрой дверь на засов!

Подчиняюсь отмечая, что запор не так-то просто открыть, а если сбегать, то и вовсе не выйдет сделать это быстро.

- Голодна?

- Да, - пожимаю плечами, стараясь не закричать: чертовски голодна.

- Ешь, - приглашает к столу, сам отправляясь на кровать, и я не знаю, как реагировать.

- Ешь, - повторяет он. - Это не приказ, - добавляет он. - Но если ты так и будешь стоять истуканом, то я стану приказывать.

Подхожу медленно, сажусь на край стула. Ноздри подрагивают от ароматного мясного духа. Желудок предательски сжимается. Я беру хлеб, откусываю. Вкус совсем другой, не как дают неугодницам.

Капитан наблюдает, молчит и не вмешивается, и под его взглядом давлюсь и принимаюсь кашлять.

- Запей из кружки, - советует, и я тут же делаю несколько больших глотков, слишком поздно понимая, что напиток крепкий.

Снова закашливаюсь, но теперь уже совершенно по другому поводу, а Цапс смеётся. Хватаюсь за горло, потому что кажется, что начинаю задыхаться.

Кажется, меня намерены отравить.

Глава 21

- Ты никогда не пробовала драконий янтарь? – улыбается Цапс, откидываясь на кровати. – Дыши спокойнее, сейчас пройдёт. У многих с непривычки перехватывает горло.

Действительно, становится лучше, и я кошусь на кружку. Гадость несусветная, предупреждать надо.

- Зачем я здесь? - всё же спрашиваю, смотря на капитана прямо.

- Так нужно, - спокойно отвечает он. – Лишь помни, - добавляет тише, - обсуждать нас с другими не следует. С этого момента ты станешь приходить сюда раз в два дня. Я буду кормить тебя, можешь спать в кровати, но не более часа. Затем уходишь, а если спросят, - скажешь, что ты была в моей постели, понятно? Не просто была...

Если честно, мне совершенно непонятно, но он не торопится объяснять.

Через десять минут чувствую приятную сытость, ещё через пять голова становится немного тяжёлой. Кажется, янтарь добрался до цели.

- Ляг, если хочешь, - приглашает к себе капитан, но я не двигаюсь с места.

Неужели, это всё нарочно, и он желал показаться добрым, чтобы всё равно получить своё? Да, я своенравна, он убедился в этом, и мне становится неприятно от его вероломства.

- Благодарю, здесь отлично.

- Твои родные знают, где ты?

Усмехаюсь горько. Родные стали чужими людьми в день, когда меня предали все трое.

- Даже если так, им всё равно, - отвечаю.

- Сирота?

- Отчего же, есть отец, который выдал меня насильно замуж вместо сестры, а та сбежала с моим женихом куда-то. Потом муж отнял магию, и вот я здесь. Чудесная история?

- Какая магия у тебя была?

- Я умела лечить, - теперь уже в моём голосе только обида. Смотрю на свои руки, которые когда-то были в силах снимать боль и затягивать небольшие раны. До великих целителей мне было далеко, но и этого хватало, чтобы помогать тем, кто действительно нуждался.

- Мне жаль.

Поднимаю голову, думая, что послышалось.

- Капитану стражи приюта жаль? Значит, всё, что говорят о вас здесь, - ложь? – подкидываю брови, а он хмурится, поднимаясь с места. Садится ко мне спиной и, опустив голову, смотрит куда-то в стену. – Простите, - тут же решаю сбавить обороты.

Нас прерывает стук в дверь, и на этот раз я благодарна тому, кто прервал. На пороге лейтенант, который явно не рад меня видеть.

- Юккас, можно тебя на пару слов? – приглашает его в со-

седнюю комнату, и оба скрываются там. Две секунды сижу, а потом бросаюсь к двери, прикладывая ухо, чтобы услышать. – Почему она снова здесь? – требует ответа Ардоз у капитана.

- Я позвал.

- Перефразирую вопрос, почему она не голая в твоей постели? Ты понимаешь, что ставишь под угрозу наши жизни?!

- Из-за того, что не тащу и без того испуганную девчонку в койку?

- Завтра, а может даже сегодня, её проверят камнем правды, и она всё расскажет. Как думаешь, о чём подумает Мадрона? Боги, Цапс, ты убиваешь меня.

- Сто тринадцатая знает, что ответить.

- Ты так наивен, мой друг. Камень нельзя обмануть, и, если ты намерен и дальше её приглашать.... Нет, не так. Уже поздно идти назад. У тебя есть сорок минут на всё. Потом мы должны явиться к начальнице приюта, у неё какое-то поручение.

- Ты хочешь, чтобы я взял её силой?

- Прикажи ей. Она подчинится. Любая подчиниться твоей воле!

- Нет.

- Вот что за упёртый баран мне достался? Это просто женщина, Цапс, женщи-на. Они привыкли к тому, чтобы ублажать мужчину в постели. Они рождены для этого!

Молчание, Юккас не отвечает.

- Тогда включи обаяние, - снова голос лейтенанта, - окол-
дуй её, не знаю, опои, да я сам могу связать её для тебя или
... Пстой...

Доносятся шаги, и я испуганно отскакиваю вбок. Что бу-
дет, если они узнают, что я подслушивала? Ответ очевиден,
здесь за каждую провинность слишком суровое наказание.

Первое, что попадает на глаза, - кровать. Как насмешка
судьбы, но делать нечего, и я прыгаю сюда, надеясь притво-
риться спящей, потому что убежать к столу не успею – услы-
шат и сразу поймут, что к чему. А так авось они сейчас же
не начнут претворять свои желания в действия.

Боги, помогите.

Глава 22

Не вижу теперь, как открывается дверь, лишь слышу, и шаги приближаются, а я делаю вид, что уснула, хотя сердце вот-во выпрыгнет из груди. Мне так и видится со стороны, как дергается моё тело на кровати из-за бешеного ритма.

Лейтенант возвращается обратно, а я пытаюсь усмирить дыхание. Суть ясна.

Капитан сказал, что я могу уйти в любой момент. Почему бы не воспользоваться им прямо сейчас? Я не из тех женщин, что прыгают до потолка, когда мужчина положил на них глаз. С одной стороны, можно заручиться поддержкой капитана, с другой, меня от него воротит. Да, он совершенно не в моём вкусе, бр-р-р-р.

Есть лишь пара мгновений, чтобы решить, потому что они скоро выйдут, и я предпочитаю побег.

Быстро оказываюсь у выхода, дёргаю щеколду, а за ней дверь, и почти врезаюсь в стража, который был намерен постучать.

- Мне нужен капитан, - оповещает меня.

- Он у себя, - говорю, слетая со ступеней, но убежать далеко не удаётся. Едва успеваю спуститься, как дорогу преграждают две фигуры: Змея и Кровавая Мирель.

Они словно вырастают из-под земли, и я отшатываюсь, но поздно. Рука Змеи мгновенно оказывается у меня на за-

пьястье, пальцы впиваются так, что хочется вскрикнуть, ладонь Мирель ложится на рот грубо, без лишних церемоний.

- Тихо, - шипит она прямо в ухо.

- Я же тебя предупреждала, - продолжает Змея, и в её голосе нет ни капли злости, только холод. - Но ты решила, что умнее, и тебе закон не писан.

Пытаюсь вырваться, но у Мирель железная хватка. Меня тянут в сторону, прочь от дорожки, туда, где кусты густо разрослись у стены. Здесь меньше людей, почти никто не ходит.

Сердце бьётся где-то в горле. Я дёргаюсь сильнее, но это только злит их. Меня толкают вперёд, ветки цепляются за платье, царапают кожу. Наконец, мы все останавливаемся в небольшой яме, скрытой от посторонних глаз. Её я вижу впервые.

- Может, не стоит? - вдруг говорит Мирель, нахмурившись. - Ничего ужасного она не сделала, сама разбирайся со своим капитаном.

- Разве я спрашивала, когда тебе легла поперёк горла та девка? Нет, спокойно сделала то, что просили.

Пауза. И затем, чуть тише, но отчётливо:

- И потом, твоя лежит под холмом, а эта просто в лазарет отправится на ближайший месяц, а там её капитан и забудет.

У меня внутри всё холодеет, когда различаю, как Змея добывает что-то из притороченного к поясу кожаного мешка. Не вижу, что именно, вновь пытаюсь вырваться, слышу, как открылась дверь в домике Цапса, как ему докладывают, что

Мадрона ожидает у себя. И вот теперь жалею, что не осталась, потому что сейчас впереди неизвестность.

Резкий укол в шею, кажется, это какая-то игла, и жжение, которое начинает усиливаться. Вздрагиваю, кручу головой, но дело уже сделано.

- Вот и всё, - почти шёпотом говорит Змея.

- Ты уверена, что она выживет? – Мирэль.

- Если даже нет, приют немного потеряет. Она слишком своевольна, скорее решится на побег, чем станет одной из нас. Веридия нам спасибо скажет.

Мир начинает подрагивать, звуки глохнут, лица расплываются, и только в этот момент меня отпускают, а я ощущаю, как по венам расплзается что-то горячее. Имей я понятие, что это, могла бы предположить исход, но не теперь.

Тело падает на землю, как чужое. Мышцы мне перестали подчиняться полностью, но голова продолжает соображать.

Последнее, что вижу: как Змея выпрямляется, стряхивает с рук невидимую пыль и отворачивается, будто ничего не произошло. Они выбирают из ямы, а я касаюсь шеи, где пульсирует и набухает место.

Перед глазами пелена, хотя веки не опущены, и только что был день.

Накрывает паника, но кричать не в силах, словно горло перехватили жгутом. Потом отключается и слух, а следом за ним сознание.

Оно будто рассыпается на осколки, и каждый из них цеп-

ляется за что-то своё.

Я стою у окна в доме отца. Лёгкий ветер колышет занавески, и в комнате пахнет свежими, только что срезанными цветами. Пальцы скользят по лепесткам, и я улыбаюсь, сама не замечая этого.

- Ты опять с ними возишься? - раздаётся за спиной голос Люмуса.

Он стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку. Всё тот же взгляд: внимательный, тёплый, будто видит меня насквозь и принимает.

- Они скоро завянут, если не позаботиться, - отвечаю, осторожно перебирая цветы.

- Ты лечишь даже растения, - усмехается он, подходя ближе. - Тогда что будет со мной, если я заболею?

- С тобой сложнее, - поднимаю на него взгляд. - Ты упрямый.

- Зато твой, - отвечает он тихо.

Картинка гаснет, следом приходит другая.

Сад. Уже вечер. Каменные дорожки ещё хранят тепло дня, а в воздухе звенят насекомые. Мы идём рядом, не касаясь друг друга, но между нами будто натянута невидимая нить.

- Я говорил с твоим отцом, - вдруг произносит Люмус.

Я замираю.

- И?

Он останавливается тоже, поворачивается ко мне. Взгляд серьёзный, но в глубине что-то светлое, почти мальчише-

ское.

- Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Слова падают между нами, и мир на мгновение замирает.

- Ты серьёзно? - шепчу, не веря.

- Более чем, - делает шаг ближе. - Я не хочу больше ждать ни дня.

Смеюсь тихо, глупо, счастливо, прикрывая рот ладонью.

- Я согласна, - отвечаю, и голос предательски дрожит, а мой жених забирает авансом поцелуй.

Новый вихрь.

Комната. Сестра сидит на кровати, поджав ноги, и смотрит на меня так, будто знает что-то, чего не знаю я.

- Ты уверена? - спрашивает она.

- В чём?

- В нём.

Я хмурюсь, садясь рядом.

- Он хороший.

- Хорошие не всегда... - она запинается, подбирая слова.
- Не всегда остаются такими.

- Ты его просто не знаешь, - качаю головой. - Он другой.

Сестра смотрит пристально, слишком внимательно.

- Надеюсь, - тихо говорит она. - Потому что ты слишком веришь людям.

- А ты - нет?

Она усмехается, отворачиваясь.

- Я верю, но не всем.

- Я буду счастлива, - упрямо произношу.

- Тогда это главное, - отвечает она, но в её голосе нет лёгкости.

Я тянусь к ней, обнимаю.

- Всё будет хорошо.

- Конечно, - шепчет она мне в волосы.

Но теперь я понимаю: тогда она уже знала.

Голоса тонут в густой, вязкой тьме. И в последний момент, прежде чем всё окончательно растворяется, сквозь пустоту проступает другое: тонкие линии. Сначала едва заметные, потом делающиеся ярче.

Они тянутся сквозь темноту, переплетаются, дрожат, словно живые, и когда одна из них касается меня, резко открываю глаза.

Надо мной серый потолок, а слева какие-то голоса. Чуть поворачиваю голову вбок, различая несколько кроватей. Осознаю, что это лазарет, только не сразу понимаю, почему женщина рядом опутана какими-то нитями. А когда она вслед за мной поворачивает голову, меня окатывает страхом. На меня смотрит Селестра – моя сбежавшая сестра.

Глава 23

Женщина смотрит на меня слишком внимательно и знакомо.

Я замираю, не в силах отвести взгляд. Сердце вдруг начинает биться чаще, глуше, тревожнее, будто что-то не так, но я ещё не понимаю, что именно.

Селестра?

Губы приоткрываются, но звук не выходит, женщина напротив тоже приоткрывает губы, повторяя каждое моё движение слишком точно и синхронно.

Медленно, с каким-то липким, нарастающим ужасом, я поднимаю руку, она - тоже. Пальцы дрожат, и у неё дрожат.

Это не она, это моё отражение в старом зеркале с потемневшей от времени рамой, но достаточно ясном, чтобы отразить правду. А мои глаза только сейчас различают это.

Смотрю на себя и не узнаю: лицо бледное, осунувшееся, глаза будто глубже, чем были, с тенью, которой раньше не существовало. Волосы спутаны, тусклые, но не это пугает.

Нити. Они повсюду. Сначала я думаю, что это бред, остатки сна, но моргаю, и они не исчезают, наоборот, становятся чётче.

Я вижу их так ясно, будто они - часть мира, которую я просто раньше не замечала: тонкие, светящиеся, переплетающиеся. Они проходят сквозь моё тело не по поверхности –

внутри, как жилы или вены. Нет. Как провода!

Зелёные - мягкие, тёплые, словно живые. Они пульсируют едва заметно, тянутся от груди к рукам, к пальцам, к шее, опутывают голову.

Красные - резкие, яркие, будто раскалённые. Их меньше, но они плотнее, тяжелее. Они словно бьются, как сердце, но не в такт с моим.

Серые, их больше всего. Они тусклые, спутанные, будто мёртвые или пустые. Они обвивают остальные, стягивают, давят, словно душат меня изнутри. И золотые, их не сразу удаётся разглядеть, но они есть, разбегаются маленькой тонкой паутинкой в области сердца. Касаюсь грубой ткани на груди, ничего особенного, просто материал.

Зажмуриваюсь крепко, надеясь стряхнуть этот кошмар, а когда вновь открываю глаза, испуганно вздрагиваю. Надо мной стоит женщина.

Я не слышала, как она подошла. Просто в какой-то момент она уже здесь - слишком близко, почти нависает, заслоняя собой зеркало.

Худая до прозрачности, кожа натянута на скулы, будто вот-вот порвётся. Волосы - редкие, сбившиеся в серые пряди, свисают как попало. Глаза слишком большие для этого лица и слишком живые. И нити, опутывающие её нити.

Она смотрит прямо на меня и улыбается безумной улыбкой. Тянет руку: тонкую, с длинными, искривлёнными пальцами, касаясь моей щеки.

- 789, - окликают её, и женщина оглядывается. – Там твоя птица прилетела, иди кормить.

Женщина протягивает руки, в них опускается кусок хлеба, и как только она уходит, вижу другую женщину, противоположность той первой. Единственное, что их роднит – красные и серые нити.

Работница с круглым лицом, уложенными в улитку седыми волосами и небольшими добрыми глазами. Она смотрит на меня внимательно, но без той холодной отстранённости, к которой я уже успела привыкнуть.

- Она просто любит новеньких, - объясняет мне работница. – Ты скоро привыкнешь.

Её голос мягкий и нежный, не такой, как у остальных из приюта. И я бы решила, что уже покинула его стены, если бы не обращение по номеру и металлическая табличка синего цвета на её груди, на которой значится ЛС -17. Но что это значит – ума не приложу.

- Значит, очнулась, - подводит она итог. – Выспалась-то за пять дней?

- Пять дней? – округляю глаза. Неужели могло пройти столько времени?

Глава 24

Слова глухо отдаются в голове. Тело словно подтверждает это: слабость накатывает волной, мышцы ноют, будто меня били всё это время. Голова тяжёлая, но ясная, и ко всему прочему просыпаются мочевой пузырь и желудок.

- Мне нужно в туалет, - пытаюсь подняться, а она укладывает обратно и добывает из-под кровати металлический предмет, похожий на утку.

- Как слабость пройдёт – будешь сама ходить, а пока так. Она помогает мне, её руки ласковые, а слова добрые, и я в который раз удивляюсь этой странной женщине.

- Что на мне? – спрашиваю, когда она намеревается уйти.
- Рубаха, - спокойно отвечает работница.
- Нет, - качаю головой и поднимаю руку, тыкая в грудь.
- Это.

Палец касается кожи, но не добирается до нитей, только я продолжаю их видеть. На себе, на ней, на других женщинах, что находятся здесь. У кого-то зелёные, у кого-то серые, чёрные, красные. И от этого становится не по себе. Что они с нами сделали?

Женщина замирает и подходит ближе. Кладёт ладонь мне на лоб.

- Жара нет, - бормочет себе под нос задумчиво.
- Что это за нити? – спрашиваю прямо, напрягая глаза, и

чувствую, как по губам течёт что-то тёплое. Провожу пальцами по лицу, отстраняя ладонь. Это тёмная густая кровь.

- Ох ты ж, - женщина тут же наклоняется ко мне, быстро достаёт чистую тряпицу и прижимает к моему носу, укладывая сверху мою ладонь. – Сейчас лекаря позову.

Голова начинает кружиться сильнее. Нити перед глазами дрожат, расплываются, словно их кто-то тянет в разные стороны.

- Рача, что у тебя там? - доносится голос со стороны.

Я не сразу вижу его. Сначала только силуэт: высокий, в тёмной одежде, потом шаги, и мужчина оказывается рядом.

Он старше. Не старик, но и не молод. Лицо сухое, резкое, с тонкими губами и внимательными глазами, которые цепко скользят по мне, будто я не человек, а очередной случай.

- Очнулась? - спрашивает он коротко.

- Да, только что, - отвечает женщина. - Кровь пошла. И странности говорит.

- Какие?

- Про нити, - почти шёпотом добавляет она.

Мужчина укладывает палец на моё запястье, принимаясь считать пульс.

- Посмотри на меня, - говорит он спокойно, но в голосе есть сталь. – Сколько пальцев?

Я поднимаю глаза, у него тоже есть нити, и золотых больше, чем у меня. Они сплетены в сложный узор у груди, уходят вверх к горлу, к голове. И среди них тонкие чёрные

вкрапления, будто трещины.

- Два, - отвечаю на его вопрос.

Он хмурится.

- Как тебя зовут?

- Сто тринадцатая, - выдыхаю, чувствуя, как слова даются всё труднее.

- Новенькая, - кивает он, будто это всё объясняет.

Женщина рядом наклоняется к нему, что-то быстро шепчет на ухо. Я не разбираю слов, но вижу, как он чуть сжимает челюсть.

- Так, - произносит уже громче. - Переутомление. Последствия яда. Ничего необычного. Галлюцинации тоже возможны.

Он ещё что-то говорит, но его голос становится глуше, нити тускнеют, а глаза закрываются.

- Наблюдай за ней, Рача, и обязательно покорми, когда она очнётся.

- А если не очнётся?

- Будем надеяться, что доза яда нагайны была не такой уж и большой, и её организм справится. А если нет... жаль. Ещё одна загубленная попусту душа.

Глава 25

Сознание возвращается не сразу. Медленно, как будто меня вытягивают из густой вязкой трясины. Сначала приходит тихий ровный звук, потом приятный запах похлёбки, добирающийся до сознания, и я открываю глаза.

Надо мной тот же серый потолок с трещинками в углу. Поворачиваю голову, зеркала уже нет. Кто и куда его переместил, мне неизвестно. На соседних койках лежат женщины, только теперь они самые обыкновенные, без нитей.

Несколько раз зажмуриваюсь и вновь открываю глаза, чтобы удостовериться. Да, мне просто снился слишком реалистичный сон, и я счастливо выдыхаю. Я не схожу с ума, всё в порядке.

- Очнулась, - звучит рядом знакомый мягкий голос. – Давай усаживайся, накормить тебя хочу. Мыслимое ли дело неделю без еды!

Уже прошла неделя?!

В руках Рачи миска, и мой желудок урчит, призывая суп отправиться скорее по назначению.

- Ешь, - протягивает она мне ложку. - Тебе нужны силы вернуть.

Голод накрывает резко, как удар. Рот наполняется слюной, живот болезненно сжимается, и я послушно принимаю тарелку.

Ем быстро, почти жадно, не думая ни о чём. То ли похлёбка невероятно вкусная, то ли я настолько соскучилась по еде, что мне кажется происходящее блаженством.

Жива. И этого достаточно.

Через несколько часов мне позволяют встать. Сначала это даётся с трудом, будто заново учишься ходить. Ноги не слушаются, тело будто чужое, но постепенно приходит ощущение контроля.

Лазарет оказывается больше, чем я думала. Ряды коек, тихие стоны, запах трав и гнили. Люди здесь разные, как сами больные, так и персонал. Таких, как Рача немного – добрых и понимающих.

Она рассказывает, что на самом деле здесь тоже следует обращаться ко всем по номерам, но доктор Ди Нарес отрицает систему, а потому своих работниц, пусть они тоже из неугодниц, называет не менее как по именам.

- Он хороший, - делится Рача со мной информацией. – Помогает, как может. Только часто сюда приносят девушек с таким истощением, что лекарь справится не в силах.

- А что значит ЛС-17? – спрашиваю, когда на небе огромная луна, а мы сидим и пьём горячий чай из металлических кружек.

- Лекарская сестра, - рассказывает Рача. – Я здесь уже двадцать лет, доктор Венеас выходил меня после того, как я просидела в карцере несколько суток. Никто не верил в то, что смогу выжить, кроме него. Он мне теперь, как отец, а я плачу

ему верой и правдой. Ой, засиделась с тобой. И ты отправляйся в кровать, не досчитаются, наказание придумают. Сегодня Штефия дежурит, этой палец в рот не клади, дай наказание придумать. Оно и понятно, что злая, откуда взяться доброте, когда у тебя сестра Веридия Краст! Кстати, о тебе интересовался наш капитан.

- Вот как? – даже не знаю, приятно мне это слышать или нет. С одной стороны, лучше держаться от него подальше, с другой, что-то есть в нём такое, что хочется разгадать. – И о чём же именно?

- Когда ты сможешь посетить его постель.

Ну конечно же! А чего я ждала? Что он мне цветы сюда пришлёт и мандарины?

Несколько дней я привыкаю к жизни в лазарете, узнаю что-то новое и прихожу в себя. Как бы не хотелось, но наступит время, когда будет необходимо вернуться обратно. Остаться в лекарском составе могут лишь те, кто имеет магическую составляющую. А таких тут днём с огнём не сыскать. Остальные места заняты сёстрами, которые помогают лекарю. Их и так больше, чем нужно, потому что Ди Нарес человек с добрым сердцем, и он пытается облегчить участь как можно большему количеству девушек.

Оказалось, что сюда привезли однажды и его дочь, оттого он и пришёл сюда на службу. Ему удалось вернуть её в большой мир и выдать снова за хорошего человека, но уйти он так и не смог, потому что сердце сжималось от жалости. То-

гда он принял решение остаться, надеясь, что однажды ненавистное заведение закроют.

Мадрона несколько раз пыталась заменить его кем-то более подходящим. Человеком, у которого вместо сердца – камень. Но каждый раз что-то происходило, будто сам приют противился тому, чтобы избавиться от доброго мужчины. Так он здесь и остался, создав свой маленький островок добра, на котором мне, увы, не было места.

На четвёртый день оказываюсь у окна, смотря на камеры тишины. На небе серые тучи, земля влажная, тяжёлая. Несколько мужчин копают ямы, а потом выносят тела, лица которых накрыты тканью. Никакого прощания. Они просто опускают их в ямы без молитв, имён и свидетелей, тут же принимаясь закапывать. Земля падает сверху тяжело, словно ставит точку.

Я стою, не двигаясь. Вот чем всё заканчивается здесь, однажды ты просто исчезаешь для всех.

Внезапно замечаю женщину, она смотрит на меня сквозь стекло. Змея.

В её взгляде удивление, будто она не ожидала меня увидеть вообще, и вопрос: какого чёрта я ещё жива?

Она срывается с места, обходя лазарет, и я уверена, что сейчас ворвётся внутрь, и мне лучше скрыться. Не потому что я труслива, нет. Это называется осторожностью, и я обязательно отплачу ей за то, что она со мной сделала, но чуть позже, когда буду уверенно стоять на ногах.

Только уйти не успеваю. Внезапно двери в лазарет распахиваются, двое стражей вносят девушку, не подающую признаков жизни. Они зовут сестёр, и я пытаюсь разглядеть, что там, но меня кто-то отталкивает, проталкиваясь вперёд, а я ударяюсь о стену. Голова отзывается болью и звоном. Тут же зажмуриваюсь, обхватывая голову ладонями, а когда снова открываю глаза, вижу нити. Много разноцветных нитей в каждом из присутствующих.

Глава 26

Одна из лекарских сестёр оказывается рядом с девушкой, пытаюсь её откачать, а мне самой впору бежать за помощью, потому что головная боль усиливается. Я снова схожу с ума?

Вытягиваю руку, смотря на неё словно другими глазами. Я тоже в нитях, они повсюду, и от этого паника внутри лишь нарастает.

Поднимаю глаза – Змея пытается высмотреть кого-то в толпе, полагаю, меня. Присаживаюсь, чтобы убрать макушку с поля зрения, и через просвет между людьми вижу, как мерцают нити в лежащей на полу девушке.

Одна из зелёных полосок тухнет, становясь серой. Потом ещё одна и ещё, пока девушка не становится пепельной.

- Мертва, - доносится до моих ушей, а мозг пытается уловить связь между нитями. Только что зелёные и живые, а через мгновение серые и безжизненные.

- Вот ты где! - дёргает меня за плечо кто-то, отчего невольно вздрагиваю.

Сестра Веридии больно впивается пальцами в мои кости, вытягивая меня вверх. У неё тоже есть зелёные, красные и бурые нити. Последние сосредоточены большим переплетением в правой ноге, и зачем-то я начинаю думать, что это может значить?

– Быстро к себе, Мадрона намерена обойти лазарет с про-

веркой.

Она толкает меня вперёд, принимаясь высматривать кого-то ещё, а я чуть не врезаюсь в Змею.

- Что же он в тебе нашёл? - задаёт неизвестно кому вопрос и выглядит так, будто размышляет именно сейчас на эту тему. - Знаешь, кого ты напоминаешь мне? – негромко говорит, чуть склонив голову на бок. – Тараканов. Они такие же мерзкие и живучие.

Снова ощущаю кровь на лице, тут же прикладываю к носу ладонь, чтобы не испачкать платья.

- А это добрый знак, - расплывается в улыбке Змея, намеренно задевая меня плечом, когда делает шаг вперёд.

Кровь становится гуще: тёплая, неприятная, она снова течёт из носа, и я прижимаю ладонь сильнее, пытаюсь остановить её, пока спешу по коридору к своей койке.

Рача видит меня и всплёскивает руками.

- Опять?

Прикладывает тряпку, а потом отправляется за какой-то мазью, которая ударяет в нос дубовым духом.

- Дыши ровно. Не смотри по сторонам, - приказывает она тихо, накладывая её тонким слоем.

Я пытаюсь, но не получается, потому что нити снова вспыхивают.

Наверное, паника отражается на моём лице, потому Рача начинает говорить тихо и монотонно, будто читает молитву. И от этого речитатива становится как-то очень спокойно.

Странное чувство проходит по коже, как лёгкий укол холода, и в этот момент нити исчезают.

Не знаю, что сделала она, не знаю, что происходит со мной, но в ближайшее время обязательно выясню.

- Иди умойся, совсем скоро тут будет хозяйка приюта, - объясняет она мне, и я очень надеюсь, что осмотр пройдёт быстро.

Через полчаса понимаю – началось.

- В сторону! - звучит холодный приказ из коридора, и размеренные шаги режут пространство лазарета. Первой в помещение, где размещена часть неугодниц, входит женщина.

Сразу же все взгляды приковываются к ней, и пространство сужается, становится невыносимо дышать, потому что от неё исходит опасность и власть. Седовласая женщина высокая, строгая, в тёмном платье без единой складки, с тяжёлым поясом, усыпанным металлическими знаками. Лицо жёсткое, неподвижное, как высеченное из камня.

Я никогда не видела Мадрону Эстару, но готова дать руку на отсечение, что это она.

За ней входит Веридия Краст, потом лейтенант и Юккар Цапс. Интересно, что в себя включает проверка?

Все, кто могут стоять, стоят. Никто не шевелится лишний раз. Даже воздух кажется осторожным, будто боится привлечь внимание.

Те, кто не могут стоять - лежат. И по каждой из нас скользит медленный взвешивающий взгляд. Такой, под которым

человек перестаёт быть человеком и становится записью в списке: «пригодна», «непригодна», «оставить», «убрать».

Мадрона идёт между рядами коек, остальные просто ждут, застыв в передней части помещения. Каждый шаг альта - это не движение женщины. Это движение приговора. Она сама посчитала себя богом на этой земле и играет чужими жизнями. В моей груди поднимается волна ненависти, и я желаю, чтобы однажды кто-то покарал её за её многочисленные злодеяния.

Лейтенант смотрит на стены, на порядок, на то, как всё организовано. А капитан смотрит на людей, на каждую отдельную девушку, пока не наткнется на меня, и какое-то время просто глядим друг на друга. Его лицо ничего не выражает, а потому невозможно понять, о чём именно думает Юккас Цапс в данную минуту. Последний его вопрос на мой счёт: когда я смогу обслужить его в койке?

- Это она?! - голос Мадроны разрезает тишину, когда она останавливается у дальней стены, где на кровати лежит 101. Вот уже три недели она не приходит в себя. Кожа слишком бледная, губы сухие, грудь поднимается едва заметно, но она жива. Рядом с ней артефакты – небольшие, тускло мерцающие камни, закреплённые в металлических держателях. От них тянется слабое, почти незаметное свечение, уходящее к её телу. Магически лекарь поддерживает состояние девушки, как только может, надеясь, что её сознание вернётся.

- Да, альта, - отзывает Веридия.

Мадрона ничего не говорит, а просто разворачивается, и вся процессия покидает нашу палату. А через двадцать минут появляется встревоженная Рача, причитая, что девчонку-то приказано убрать отсюда.

- Куда убрать? – не сразу понимаю, а Рача только качает головой, силясь не заплакать. И когда понимаю, о чём речь, и каждый волос на моей коже встаёт дыбом. – Но почему?

- Я слышала, что утром прибыл тианий к Мадроне, - продолжает она, - это был муж 101.

Понятно, для чего он прибыл. Будь его намерения добрыми, девочку бы не заставили похоронить живьём. И от этого невероятно жутко. Настолько, что ночью даже не могу уснуть. Просто смотрю на бедняжку, жалея её. Кто знает, может она в лучшем из миров, а здесь лишь её оболочка?

Задумываюсь, размышляя о том: что если она теперь в моём мире? Куда отправляются души из этого?

Зацикливаюсь на одной точке, смотрю на неё не мигая, и в какой-то момент снова показываются нити.

Глава 27

Надо признать, что после того, как Змея вколола мне яд нагайны, во мне что-то изменилось.

Несколько раз моргаю, нити не исчезают: тонкие, светящиеся, они проступают в темноте, как если бы мир под кожей вдруг стал видимым.

Я медленно поднимаюсь с кровати. В палате тихо. Кто-то сопит, кто-то ворочается, но большинство спят. Ночная тишина здесь всегда особенная - не спокойная, а выжидающая.

Смотрю на 101, её нити почти все серые: пепельные, безжизненные, они спутаны в тяжёлый плотный ком в груди и животе. Зелёные есть, но их мало. Они тонкие, слабые, едва заметные.

Сажусь рядом с ней на край кровати, не зная, для чего вообще подошла. Но мне хочется разобраться в том, что происходит со мной.

Заношу руку над её грудью, и нити шевелятся, будто примагничиваются к моей ладони. Пальцы касаются её кожи, она холоднее, чем у обычного человека, а нити тянутся, словно электрические импульсы в магическом шаре моего мира.

В какой-то момент ощущаю лёгкий укол, как от тока, и одёргиваю от неожиданности руку. До ушей доносится скрип двери, и я перебираюсь на пол, выглядывая из-за девушки. Одна из сестёр осматривает комнату, проходит до середины

и выбирается обратно, а я возвращаюсь на место.

Нити не исчезают, и я делаю вторую попытку.

Когда они добираются до моего пальца, снова укол, но я не одёргиваю руку, а жду, что будет дальше. Они волнуются, как водоросли в море, но больше ничего не делают.

Задумываюсь, как тут всё устроено. Вижу, что они перепутаны между собой, что в основном серые, как у той девушки, что умерла на моих глазах. Но здесь ещё есть участок, который жив.

Чтобы добраться до зелёной, приходится распутывать серые, они почти невесомые, но я уверена, что чувствую их касание. Клубок слишком запутан и плохо поддаётся наведению порядка, и кто знает, сколько времени трачу на то, чтобы сделать его как можно меньше.

То ли зрение подводит, то ли нити становятся чуть светлее, когда освобождаю одни от гнёта других. Какие-то рвутся, я чувствую это. Мне страшно, вдруг я сделаю что-то девушке?

Но её завтра и без меня приговорили к смерти.

Только сегодня я могу стать убийцей.

Пальцы делают тонкую работу, пока не натыкаюсь на разрыв. Я уверена, что вижу два конца одной нити, и мне приходит в голову идея их связать. Как в детстве учила бабушка, когда работала с пряжей.

Мне удаётся соединить их, и от моих ладоней разбегается еле заметный зелёный луч.

Получилось? На лице расплзается улыбка, но в голове внезапно появляются вертолёт, и я чуть не соскальзываю с кровати.

Сколько времени прошло? Полчаса? Два часа? Я потеряла ему счёт. Единственное, что знаю: теперь уже девушка мне не кажется такой безжизненной, и её кожа словно стала теплее.

В носу щекочет тепло. Кровотечения у меня были только в детстве, пока не переросла. Последний раз, если не брать эти участвовавшие случаи, и не помню когда. Но сейчас кровь капает на грудь, окропляя мою рубашку и вещи 101 алым соком.

Надо заканчивать, но под пальцами ещё одна нить. Она отличается тем, что очень тугая. Тяну её сильнее и связываю, пока кровь продолжает капать на одежду, но я уверена, что просто обязана скрепить то, что обнаружила.

Голова кружится, мир качается, тошнота подкатывает к горлу, а в ушах раздаётся звон. Я отшатываюсь и спешу убраться к себе, потому что чувствую себя так, будто меня только что сбила машина. Я знаю, что это такое, потому что в подростковом возрасте столкнулась с этим.

Нити продолжают пульсировать, но теперь они изменили цвет.

Тело ватное, и я спотыкаюсь, падая на пол, больно ударяюсь локтем, коленом и бедром. Боги, как больно. Задеваю утку, стоящую рядом, звон такой, будто что-то рушится.

Тут же испуганные голоса, и меня тащут на кровать, размещая там.

Спать, как же хочется спать. И не следует бороться с усталостью, она всё равно одержит верх. Падаю в дрёму, сквозь сон слыша, как кто-то ходит, переговаривается. Слов не разобрать, да и нужно ли мне это?

А наутро вскакиваю с бешено колотящимся сердцем, потому что кто-то истошно кричит неподалёку.

Глава 28

Я подскакиваю на кровати резко, не сразу осознавая, что происходит. Сердце колотится, будто сейчас вырвется из груди. Несколько секунд не понимаю, где нахожусь: сон ещё держит, тянет назад.

В центре палаты стоит фигура: тонкая, неподвижная, в белёсой рубаше с длинными руками. Волосы спутаны, лицо бледное до прозрачности.

Призрак.

Мысль вспыхивает мгновенно, холодом проходится по позвоночнику. Кто-то вскрикивает, кто-то начинает шептать молитву, одна из женщин отползает к стене, закрывая рот ладонями. Признаться, мне тоже не по себе.

Перевожу взгляд на кровать 101 – пусто. Потом снова на девушку, и только теперь понимаю, что это она.

- Как... - кто-то выдыхает.

- Она же... - другая не договаривает.

Дверь распаивается с грохотом.

- Что здесь происходит?! - влетает сестра, та самая, что дежурила ночью. Она замирает на пороге, увидев неугодицу, приговорённую к забвению, и наблюдая, как у неё дрогнуло лицо.

- Это невозможно... - шепчет она, но уже через секунду приходит в себя и убегает, чтобы спустя десять минут вер-

нуться с врачом.

Доктор Венеас Ди Нарес преодолевает расстояние быстро и осторожно, уводит 101 к кровати, укладывая на неё. Начинает проверять пульс, реакцию зрачков, задаёт вопросы девушке, которая сперва реагирует очень плохо, словно ничего не понимает.

Рядом с Наресом - Рача, разглядывающая капли крови на рубашке девушки, а затем она смотрит на меня, словно прослеживая всю цепочку событий.

- Кто-нибудь знает, что произошло? – допытывается у пациенток врач, оглядывая палату, но ответом ему звучит тишина, лишь внимательный взгляд Рачи пытается призвать меня к ответу, но я продолжаю помалкивать.

Нитей больше нет, крови тоже, и кто знает, не приснилось ли мне вчера это всё.

- Она не приходила в себя три недели, - продолжает он, уже тише. - Такое невозможно без вмешательства. Ладно, - отрезает он. - Перевести её в отдельную палату под наблюдение, я хочу внимательно осмотреть её, чтобы ничего не упустить.

- А что сказать Мадроне? – напоминает сестра о существовании внешнего мира.

- Я поговорю с ней сам, - вижу по лицу Венеаса, что эта часть его работы ему особенно не нравится, но у него просто нет иного выхода.

Он поднимается, и Рача выходит вслед за ним. И кажется,

я знаю, о чём она станет говорить с лекарем.

Двое оказываются рядом со 101, осторожно берут девушку под руки. Она не сопротивляется, идёт, как кукла, не до конца управляя телом, но идёт. А те, что её уже мысленно похоронили в своей голове, делают круги защиты на себе, будто от нечисти.

Когда её уводят, в палате остаётся гул: тихий, напряжённый, полный страха и догадок. Я укладываюсь обратно, ожидая, когда день начнётся по-настоящему, принесут горячий чай и кашу, чтобы подкрепиться. Но быстрее завтрака приходит Рача, и у неё ко мне вопросы.

- Почему на тебе снова кровь?
- Наверное, это случилось ночью.
- И ты спала?
- Да, меня в чём-то подозревают?
- Лекарь проверил 101 на повреждения, и уверен, что кровь принадлежит не ей.
- К чему ты клонишь?
- К тому, что это твоя кровь, 113, и кажется, ты в курсе, почему девушка встала после стольких дней сна.
- Я...

В палату вкатывается тележка с едой.

- Сейчас ты поешь, как следует, а потом я вернусь за тобой и отведу к Ди Наресу, и постарайся рассказать ему всё честно, потому что наш целитель заслуживает правды.

Глава 29

Пока ем, размышляю, о чём именно я должна рассказать Венеасу. А потом приходит Рача, и впервые меня вводят в небольшую комнату со столом, где меня уже ждёт лекарь.

Рача тут же намерена покинуть нас, но я хватаюсь за подол её юбки. Не знаю зачем, это выходит как-то интуитивно и не ускользает от взгляда мужчины.

- Останься, - просит он свою помощницу. Та закрывает дверь и садится рядом, подбадривая. – А ты рассказывай.

- Я не знаю, с чего начать, - признаюсь честно.

- Может, начнёшь с самого начала? – ласково говорит Нарес.

С начала? Это с детства, в котором меня звали Обухова Маша?

- Когда в тебе открылся лекарский дар? – подсказывает Венеас, и я начинаю рассказывать то, что знаю со слов сестры.

- В семь, - произношу задумчиво. – Моя сестра повредила руку, а мне было её так жаль, что я положила ладонь на её ладонь. Порез был глубокий, но кровь остановилась. С тех пор у меня был дар, не такой сильный, как у неё, но и его отняли недавно.

- Твой муж? – вижу горечь на лице лекаря.

Киваю.

- А теперь дар вернулся?

Задумываюсь, закусывая губу и смотря на свои сложенные в замок пальцы.

- Нет, - качаю головой, - вернее, не знаю. Это что-то другое, совсем не то, что было раньше.

- Можешь рассказать подробнее?

Поворачиваю голову в сторону Рачи, она подбадривает кивком.

- Думаете, это я виновата в том, что девушка встала?

- Виновата? – улыбается он. – Виновата, это когда что-то плохое, а здесь - чудо.

- Но что скажет на это Мадрона?

Его лицо опять меняется, как только он слышит это имя.

- Давай лучше поговорим о том, как у тебя вышло помочь девушке. Ты пришла к ней ночью?

- Да, потому что увидела...

Резкий стук в дверь заставляет нас троих вздрогнуть, и сестра объявляет о том, что на пороге вот-вот объявится недовольная хозяйка приюта.

- Ей доложили о том, что 101 очнулась. Она в ярости, - шепчет девушка и сбегает, чтобы не попадаться на глаза начальству.

- Рача, уведи её, - просит Ди Нарес, поднимаясь с места, и я осознаю, что речь обо мне. – Спрячь, пока не решим, что делать.

- Но почему? – не могу взять в толк.

- Потом, - Рача хватает меня за локоть, чтобы утащить за собой, но до конца коридора дойти не успеваем, как нас окликают. Приходится обернуться, и мы встречаемся взглядом со Штефией – сестрой Веридии Краст.

- А ну води её в палату. Живо.

Рача делает вид, что отправляется со мной на место, но шепчет, что сейчас завернём за угол. Правда и тут не выходит. Теперь уже я вижу саму Веридию и её начальницу.

- Это она? - тычет в мою сторону длинный кривой палец Мадроны.

- Да, - отвечают ей.

Кажется, лазарет не может хранить тайны, и они разлетаются по приюту со скоростью света.

- С девчонки глаз не спускать, - приказывает Мадрона помощникам, а сама идёт к лекарю. И через час я с ужасом узнаю, что в Варруген отправлено письмо моему мужу, которого уведомляют о том, что жена вновь обладает магией. Такие у приюта правила, и Мадрона не желает нарушать их ради меня.

- И что со мной будет? – с ужасом вспоминаю о том ужасном ритуале, через который однажды прошла сразу же после свадьбы.

Рача отвечает не сразу.

- Знаю только одно: никто никогда не переживал повторного забора магии.

А вот что мы точно знаем, что в ближайшие дни Элдрик

Ваэль прибудет в приют собственной персоной.

Глава 30

Ночью мне не спится. Когда стало казаться, что всё хоть немного устаканилось, снова на горизонте появляется этот человек, что назвал себя моим мужем.

Лежу, уставившись в потолок. Совсем скоро за мной явится Элдрик Ваэль, и я уверена, что он не пощадит меня. Кажется, истязательство у него в крови.

Может, бежать? Отличная идея, но самой мне её не выйдет осуществить, потому что не было возможности как следует продумать план.

Сжимаю одеяло, переворачиваюсь на бок, но сон не идёт. В палате тихо: кто-то сопит, кто-то стонет во сне, но в целом - мёртвая, вязкая тишина.

Ухо различает едва слышный скрип. Вижу какое-то свечение, кажется, сестра снова устраивает обход, чтобы убедиться, что все на месте. Она останавливается у одной из кроватей и наклоняется над ней.

Приподнимаюсь на локте, чтобы рассмотреть, что будет дальше.

Луна сегодня довольно яркая, потому различаю, как сестра тормозит девушку на кровати, а потом до моих ушей добирается:

- Идём. Быстро.

Неугодница поднимается, накидывает халат и бредёт

вслед за сестрой, а меня пробирает озноб. Никогда до этого ни за кем не приходили.

Куда её ведут? Зачем? Внутри поднимается тревога, и я откидываю одеяло, потому что не могу просто лежать. Я должна проследить за ними.

Сперва обуваюсь, но как только делаю несколько шагов, понимаю, как они звучат в тишине лазарета, а потому решаю оставить ботинки у кровати и спешу на выход босиком.

Ледяные каменные плиты пола обжигают стопы, но я быстро передвигаюсь, оказываясь у самой двери. Теперь понимаю, кого именно забрали: женщину, которую определили сюда вчера. Её вертикальные узкие зрачки говорят об одном – она нагайна, и кто знает, не её ли яд попал в мою кровь. Раздумываю, не вернуться ли обратно в кровать, а потом вспоминаю о 101. Что если нагайну повели к девушке, чтобы...

Все знают, что бывает потом.

Выскальзываю в безлюдный коридор и крадусь следом. На моё счастье, световой шар только один, и он в руках сестры, которая уверенно ведёт нагайну куда-то. Они не говорят, или я просто не слышу. Прячусь за выступами, чтобы никто не заметил, и пару раз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.